

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

ДЕСЯТЫЙ
ПРИНЦ

ЭКМО

Юрий Иванович

Десятый принц

Серия «Десятый принц», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6357322
Десятый принц / Юрий Иванович: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68007-8

Аннотация

Не все ладно в испанском королевстве. Пусть даже королевство это находится в параллельном мире...

Потомственная гадалка Маргарита-Иллона Толедская и представить не могла, что среди ее клиентов окажется сам наследный принц Фредерик Астаахарский! Да вот только помочь будущему монарху она оказалась не в силах. Принца мучили странные кошмары, а Марга – не психоаналитик и не толковательница сновидений. Впрочем, ей самой едва не понадобился психоаналитик. В самый разгар сеанса в салон ворвались антимонархисты, вооруженные бейсбольными битами. Хорошо, что Фредерик имел боевой опыт, иначе несдобровать бы и ему, и гадалке. Правда, для самого принца все только начиналось. Ведь кошмары иногда сбываются...

Содержание

Сцена 1	5
Сцена 2	30
Сцена 3	56
Сцена 4	62
Сцена 5	91
Сцена 6	106
Сцена 7	120
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Юрий Иванович

Десятый принц

© Иванович Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Сцена 1

Невероятно толстая женщина в блестящем балахоне гадалки испуганно отпрянула от щели для просмотра.

– Ты к-кого привела?! – она с выпученными глазами, заикаясь, зашипела на помощницу. – Д-дура! Это же принц!!!

Та, будучи не такой толстой, но достаточно мощной, рослой и широкой в кости, нисколько не смутившись от негативной реакции патрона, хмыкнула с недоверием:

– Да ла-а-адно!.. Ты уверена?..

Шипения перешли в сплошные ругательства, а руки гадалки бесцеремонно ухватили помощницу за волосы и с силой приблизили её голову к стенке:

– Ты совсем ополоумела?! Неужели в лица клиентам не заглядываешь?!

Несколько меланхолично помощница всмотрелась в лицо сидящего за круглым столом мужчины, который вслушивался в специальную, расслабляющую музыку, и не удержалась от смешка:

– А ведь и правда... То-то я смотрю, он кого-то мне напомнил... Именем другим назвался по телефону...

– Господи! За что мне такое наказание безмозглое! – продолжилось стенание шёпотом. – Лучше бы он тебе напомнил, что думать надо прежде, чем кого попало приводить в нашу святыню!

– Слышь, Марга?! Ты от счастья пищать должна, что к тебе сам принц заглянул! – возрадовалась помощница, без всякой обиды или недовольства вырывая свои волосы из ладони толстухи. – Тем более что он шарфом прикрывался и голову капюшоном куртки накрывал. Вдобавок никто его не сопровождал, прибыл в точное время, как договаривался по телефону. В чём проблема-то? Навесь ему лапшу, как обычно, напусти тумана побольше, да и забудь!.. Он один, что ли, такой к тебе из знати припёрся?

Гадалка задумалась, покусывая непроизвольно губы, словно решала невероятно значимую задачку. Потом скривилась, как сморщенный персик, и призналась:

– Боюсь я чего-то... На душе муторно, неприятности чувствую...

– Какие именно? – насторожилась подельница. Всё-таки её кормилица нечто и в самом деле умела, а уж «разными местами» чувствовала грядущие неприятности всегда преотменно.

– Какие, какие!.. Ты про соседей наших забыла? Сплошные уроды, бандюги и республиканцы! Как они против монархии лают и пеной плюются? Вдруг принца кто увидел да опознал? Только скандала нам публичного не хватает! Или ещё чего похуже... Уж лучше бы этот клиент со всей своей охраной на бронированных лимузинах прибыл, мне спокойнее было бы...

– И что делать будем?

— Хм...! — Марга опять склонилась к щели, присмотрелась к спокойно сидящему посетителю и печально вздохнула: — Может, и пронесёт... Ты быстро закрой на запоры главную дверь и на всякий случай приготовь чёрный выход. Глянь, чтобы там никого не было... Ну а я... — Она оправила на себе платье, решительно выдохнула и двинулась на сеанс. — Попробую выкрутиться... и долго клиента не задерживать...

Появившись на своём рабочем месте, она медленно прошла к столу, картинно уселась, продолжая держать глаза почти прикрытыми. То есть старалась всецело войти в роль великой провидицы, гадалки и медиума. Но мысли несколько путались, возбуждённые опознанием такого важного лица.

В государстве большинство народных масс принца любили по причине его полной безобидности и приличной внешности. Молодой мужчина, высокий, симпатичный, подтянутый и стройный, неглуп, красиво улыбается, в глазах некая таинственность и непонятная глубина. А вот духовно наследник не удался. Большинство подданных сходилось во мнении, что принц невзрачен как трибун, в лидеры не годится, и не будь он наследником, ничем не отличался бы от серенького мышонка. И таких мышат в стране с конституционной монархией — миллионы.

Мало того, в последнее время антимонархисты резко усилили свою деятельность, возмущённые похождениями главного столпа монархии, увенчанного короной. Король себя существенно дискредитировал в политике и в быту. Сторон-

ников у него становилось всё меньше, а вот полку яростных противников, озлобленных кризисом, обнищанием и долговыми удавками банков, прибывало ежедневно огромными толпами. Борьба разгоралась не на шутку, доходило до драк с полицией, массовых арестов манифестантов, крупных политических пертурбаций и новых скандалов о воровстве, в которых члены королевской семьи выглядели самым непритязательным способом. Народ уже открыто начал требовать перейти к чисто республиканскому правлению или любому иному, лишь бы не содержать необычайно плодовитое, разросшееся за последние годы королевское семейство.

На этом фоне невзрачность самого принца особенно бросалась в глаза. Его уже не спасала ни молодая симпатичная супруга, ни маленькие детки, ни репутация примерного семьянина. И всё чаще про него говорили совершенно открыто: «Ни рыба ни мясо!»

Все эти данные промелькнули в сознании гадалки и медиума, заставляя в первую очередь подумать о причине такого странного визита.

«С какой стати наследник шатающегося трона ко мне пожаловал? Неужели совсем дурачком стал и в чудеса поверил?» — не только этим смущалась вещунья. Имелся ещё один, невероятно важный пункт медиативного бытия, касающийся её лично и непосредственно королевы. Но в данную секунду хотелось надеяться, что он ни при чём, и не поми-

нать о нём все.

Вообще-то Марга свой хлеб с маслом зарабатывала вполне честно. Она по сравнению с иными откровенными шарлатанами, недоучками или аферистами кое-что могла, кое-что умела, кое-что чувствовала сердцем, невероятно развитой интуицией и знала, как толком пользоваться доставшимся от предков инструментарием. Недаром её считали лучшей в столице, попасть к ней на сеанс считалось невероятно сложно. А уж дорого – так это и понятно! Но если быть честной до конца, то прорицательница и сама не до конца верила в собственные силы. Часто у неё получались некие предвидения или вещания чисто случайно, спонтанно, и сама себя она считала просто везучей, фартовой, удачливой балаболкой. То есть умела заговорить, понять по мимике клиента, чего человеку надо, и грамотно преподнести желаемое на блюдечке и в красивой обёртке.

Ещё имелись некие подсказки по принципу «холодно-горячо», когда гадалка во время своего монолога прислушивалась к шару гадания. Под её чуткими пальцами он то охлаждался во время неверного пророчества, то становился теплей, когда рисовались некие верные перспективы или давались должные, пусть и невероятно туманные советы. По сути, шар и считался наибольшей семейной гордостью, но никто из посторонних от него никаких смен температур не чувствовал и в один голос считали: он самый обыкновенный, пусть и отполированный кусок стекла. Что Марга, что

её мать или бабка не слишком-то и спорили с такими выводами и даже всегда в охотку перечисляли случаи, когда шар забирали то учёные на исследование, то полицейские на тщательную экспертизу. Бывали и такие случаи в семейной истории, но все они заканчивались возвращением реликвии и язвительными насмешками исследователей. Мол, мы знаем, что вы тут народ дурите!

Почтенные матроны семейства Толедских (а в иных местах проживания – и более звучных фамилий) никогда не спорили в таких случаях, смиренно кивали и... продолжали работать дальше. Тут тоже имелся некий девиз, начертанный одной из дальних прабабок на подставке для шара: «Мы гордимся умением прикоснуться к тайне!» Маргарита-Иллона – это и делала.

Гордилась она собственной осторожностью, умением вовремя отказаться от большого куша и лучше недополучить плату с клиента, чем взять с него лишку, а потом не спать, ожидая мщения или скандала. А с сильными мира сего вообще старалась не связываться ни под каким соусом. Если уж никак не удавалось отвертеться, просто давала ценные советы, не беря за это плату и добавляя:

– Если я права, отблагодаришь меня со временем, а если ошиблась – не обессудь! И над нами порой звёзды издеваются, не желая раскрывать свои тайны.

Подобным образом решила поступить и сейчас, с ходу обозначив некое нежелание медиативного спектра раскры-

ваться по просьбе своей скромной служительницы.

– Вижу, что терзают тебя думы тяжкие, – начала она, раскрыв глаза после артистичных пасов руками, – но, чтобы разрешить твои сомнения, нужен взгляд в далёкое прошлое, очень далёкое... А мне такие силы не подвластны...

Такая манера проведения сеанса была основной фишкой знаменитой Маргариты-Иллоны Толедской. Или, иначе говоря, закон в момент сеанса был для посетителя один: «Молчи и слушай откровения!» Только на «ты», только свой монолог, и только изредка давалось клиенту разрешение высказаться о причине его посещения или разрешалось задать несколько уточняющих вопросов. На этом аспекте помощница настаивала особенно, ещё во время предварительной записи на сеанс. Что интересно, вначале скептически, недоверчиво настроенные клиенты, в финале – почти всегда уходили довольные и умиротворённые. Иногда даже не сказавшие ни единого слова, в том числе ни «спасибо», ни «до свидания». Зато на выходе, при расчёте с помощницей, посетители частенько и значительно переплачивали.

Конечно, бывали случаи разные, о некоторых вообще вспоминать не хотелось. И скандалы случались, и до банального мордобоя доходило... Люди-то разные, а некоторых так вообще из дурдома выпускать нельзя... А они ведь живут как все: среди всех. Поди, такого узнай с ходу и пойми, что он в следующую минуту учудит...

Принц, естественно, был не из таких. Скандалить он не

будет, ругаться тоже, мстить – тем более. Да и что таким столпам общества – месть? Только скажет своему секретарю: «Закрыть лавочку такой-то!...» – и конец. Снимайся с насиженного места да ищи иное. И хорошо, если не в другой стране. Было уже такое у Марги, два раза переезжала и имена меняла. Начинала во Франции, потом несколько лет в Италии трудилась, а здесь уже десять с лишним лет проживает, жалко будет сниматься с такого насиженного, полного разномастной клиентуры места.

Потому и попыталась грамотно, после обязательного вступления и основной, наиболее затуманенной части своих размышлений-пророчеств, напомнить о своей никчемности в нашей Вселенной и о смирении перед нераскрытыми тайнами:

– Всё, что нам дано, – уже благо. Не рвись в неведомые глубины познаний, ибо многократно большие заботы падут на твои плечи. И не сможешь ты возрадоваться жизни под их гнётом... А сейчас... иди... Иначе изменится твоё предназначение...

Ага! Так принц и ушёл! Игнорируя основной закон сеанса «молчать и не задавать вопросы без разрешения», он начал с возмущения:

– И это всё?! Вот так просто встать и уйти? Даже не оплатив?

Маргарита-Иллона неожиданно почувствовала боль возле сердца и осознала, что следует клиента поторопить:

– Не надо никакой оплаты. Уходи! – И затянула опять замогильным голосом: – Иначе изменится...

– Да что за глупости?! О каком предназначении речь?! – фыркнул посетитель с раздражением и уже без всякого уважения в голосе. – Всего лишь пять минут какого-то детского лепета и ни одного толкового совета?

– Уходи...!

– Это даже не смешно! Может, вначале следует спросить, что меня сюда привело? – принц выглядел раздражённым и, несмотря на первоначальное мнение о себе как о порядочном и спокойном человеке, был готов поскандальить. А то и поучить: – Как ты можешь знать, что меня тревожит? Как ты решаешь, что мне надо услышать? Ты вон даже руки на шар не возложила! Ха! Правда, стоит признать, что первые твои слова меня заинтриговали... Но если разобраться, то подобными фразами ты наверняка встречаешь каждого, а уже потом несёшь полную ахинею и околесицу, ориентируясь по индивидуальной реакции. Я это знаю, изучал психологию!

Хозяйка салона безысходно вздохнула, понимая, что так просто от высокородного визитёра не избавится:

– Не сомневаюсь в твоей грамотности. Но зачем ты тогда пришёл к отсталой, малограмотной гадалке, если нисколько ей не веришь?

– Пришёл задать конкретные вопросы и получить не менее конкретные ответы!

– Вряд ли я скажу ещё что-нибудь для тебя ценное... но,

если ты так настаиваешь... задавай.

Клиент заметно оживился, подобрел лицом и даже улыбнулся вполне мило и доброжелательно.

— Прежде чем задать сам вопрос, я введу вначале в суть дела, — он вопросительно замолк, но, получив вместо разрешения равнодушный кивок толстухи, продолжил: — Меня в последнее время достали неприятные сны. Словно я пытаюсь выбраться из глубокой бетонной чаши с крутыми, высокими стенами. Выползти по стене и достать до верхнего края — не получается, сползаю. А вот разогнаться и преодолеть крутую преграду с разбега — сил не хватает. На помощь тоже никто не спешит. Теперь вопрос: как избавиться от этого сна?

С минуту Маргарита-Иллона Толедская пялилась на принца, подозревая его в неприличном издевательстве. Толкование снов ею всегда и категорически отвергалось, и это строго обозначалось во время записи в очередь. Но глаза высокородного мужчины сияли честностью и откровенной обеспокоенностью. К тому же он мог утверждать, что сама разгадка сна его нисколько не интересует, только, как от него избавиться. А это уже была несколько иная стихия. Правда, и в ней для гадалки не было каких-то рецептов, кроме как расплывчатых и туманных рассуждений, которые она выдавала, просто по наитию держась за шар, и благодаря непомерному при этом желанию выговориться.

Здесь же она решила уточнить:

— А просто к врачам ты обращался? Может, стоило попить

успокоительные? Или провести несколько сеансов самовнушения? Наверняка поможет понизить стенку бетонной чаши...

Теперь уже клиент на неё уставился с подозрением:

– А вдруг эти врачи что-нибудь с моей психикой перемудрят? И уменьшат не стенку, а меня самого?

«Э-э-э, да он ещё и с мозгами не дружит! – неожиданно дошло до гадалки. – Недаром боится врачам на глаза показываться. М-да! Вот это я влипла! И как мне от него теперь избавиться?..» – ничего другого не оставалось, как чистосердечно расписаться в своей полной некомпетенции по данному вопросу:

– Увы, твоё высочество, с этим вопросом – не ко мне! Рада бы помочь – да не мой профиль. Извини! Всего хорошего!

И стала решительно вставать из своего кресла, но замерла на месте после пояснения несколько растерявшегося принца:

– А мать меня убедила, что решение своего вопроса я найду именно здесь...

Подобное заявление уже поворачивало весь сеанс в иное русло. Маргарите стало невероятно интересно, и она уселась обратно. При чём здесь королева? Значит, она всё-таки знает о гадалке? И почему послала сына именно сюда?

Если сразу не получить ответы на эти вопросы, то можно будет идти и паковать вещи для переезда. Иные варианты не рассматриваются. Потому что как раз здесь и был зарыт тот самый невероятно важный пункт медиативного бытия.

Нельзя сказать, что и королева в государстве много значила для её народа. Её не столько любили, как жалели. И всё по той же причине: муженёк умудрялся и терроризировать жену, и унижать её, и любовниц своих поселять чуть ли не по соседству, и общественное мнение по этому поводу игнорировать. Но в то же время королева являлась официальным куратором и попечительницей всего, что касалось образования, библиотек, культуры и публичного социума, к ведомству которого однозначно принадлежали и такие вот салоны частного «гадания на кофейной гуще». В её власти, пусть и чисто формальной на первый взгляд, было закрыть, изгнать, а то и устроить ненужное для репутации медиума судебное разбирательство.

Но и это было не самое главное. В данный момент Марга вспомнила слова своей матери, умершей пять лет назад, но которая до того успела несколько раз проинструктировать дочь:

— В этой стране постарайся никогда не ссориться с шестью местными женщинами! Моя мать их назвала вельями.

Ну и перечисляла их, ссылаясь при этом просто на сон, в котором к ней пришла её мать и всё это рассказала. В списке «Велья, опасная и таинственная» были: одна богатая крестьянка, живущая на югах и имеющая крупные посадки оливковых деревьев; две сестры-близняшки, проживающие на северо-западе, возле Бискайского залива и подвизающиеся на продаже больших партий рыбы; одна цыганка из Се-

говии, промышлявшая гаданием на картах; да пятой в этом списке была учёная дама-филолог из Сарагосы. А вот возглавляла этот перечень непосредственно королева. Именно возглавляла, как самая сильная велья. Почему именно она да с какой такой стати, пришедшая во сне бабулька не знала, только и утверждала, что каждая из вышеперечисленных женщин может отобрать передающуюся в их роду из поколения в поколение по женской линии силу. Как отобрать, за что, насколько страшно – бабка во сне ничего не говорила.

А тут получалось, что не только Маргарита-Иллона Толедская знает о королеве некий секрет, но и та, в свою очередь, ведаёт о гадалке и медиуме, проживающей в столице её государства. И напрашивалось два резонных вывода: ссориться нельзя – это раз. И второе: хоть что-то узнать о матери сидящего за столом принца необходимо.

Поэтому первый вопрос последовал осторожно и деликатно:

– Чем именно её величество тебя убеждала?

– Мать я ценю не за её титул, – с некоторым высокомерием заявил наследник, – и потому любой совет с её стороны воспринимаю беспрекословно.

– Не сомневаюсь! И всё-таки... Какие доводы она в мою пользу приводила?

Высокородный клиент на минуту задумался, видимо, решаясь, раскрывать некоторые секреты о своей матери или нет. А потом рискнул:

– Большой тайны она из этого не делает... Да и никто ей не верит... кроме меня. Поэтому широкому кругу этот факт неизвестен. Но моя мать обнаружила в себе некие способности, благодаря которым она может отличать людей очень древней и очень специфической крови. В нашей стране их единицы. В том числе и мы с ней...

«Ну да, конечно! – мысленно усмехнулась гадалка. – Кто бы сомневался, что у вас в роду все потомки и предки голубой крови! Ха! А я-то уж вообразил себе!...» – поэтому вслух, стараясь не язвить, смиренно спросила:

– И его величество тоже?

– Нет, – последовал сильно удививший ответ. – Кровь передаётся только по материнской линии. Сама знаешь, ведь твои способности в семье передаются только женщинам.

Марга еле сдержалась, чтобы внутреннее содрогание не отразилось на всём её чрезмерно полном теле, и с вежливой улыбкой задала следующий вопрос:

– А в иных странах – их, значит, много?

– Только в некоторых, – отчего-то смутился принц, – но это к делу не относится.

– А я каким образом отношусь?

– Вот к тому и веду, – оживился его высочество. – ты относишься к иной, весьма родственной для нас ветви, и мать тоже может тебя отличать от остальных. Потому она и заявила, что ты – единственная в столице, которая хоть как-то может мне помочь. Тем более что как раз в подобной сфере

услуг и работаешь.

– Э-э-э...? – несколько подрастерялась хозяйка салона. – И как её величество меня нашла?

– Так ведь она где только не бывает! Вот однажды тебя и увидела издалека. Тут же дала указание выяснить, кто ты, где проживаешь, чем занимаешься.

«Неужели такое возможно?! – метались мысли в голове у толстухи. – Издалека? Да что-то такое рассмотреть в крови?! Да я сама первую даму королевства видела всего пару раз в жизни, и то с большого расстояния. Однако!.. Или мне явно врут, или я многого не понимаю, или вокруг меня затевается нечто страшное. Но в любом случае придётся поднапрячься и сделать всё, что в моих силах. Знать бы ещё, насколько и на что именно этих силёнок хватает...»

Гадалке захотелось сильно встретиться с королевой, пообщаться с ней, в идеале – вот в такой именно обстановке. И что-то ей подсказывало, что пожелай она этого сильнее, встреча и в самом деле состоится. Но логика восторжествовала: лучше быть как можно дальше от такой вельи и вообще не вступать с нею в ближний контакт. А в своей стихии она постарается изо всех сил. Особенно коль получит нужную подсказку:

– Ещё раз напомню, принц, что я не всесильна. Поэтому хочу услышать и твои подсказки, и советы твоей матери: как и чем конкретно я могу помочь? Как вы с ней это видите?

Клиент пожал плечами и покачал головой:

– Мама сказала, что ты сама всё хорошо умеешь и знаешь. Ну а мне кажется, что ты можешь спросить подсказки у своего шара... – Он замер, присматриваясь к внутренностям переливающегося светом стеклянного шара. – Он у тебя такой необычный...

– Как раз наоборот, – хмыкнула гадалка, беря шар в руки, снимая с подставки и подкатывая по столу к своей безразмерной груди. – Когда он светится – самый обычный... Рассмотрел?

Из подставки в потолок ударило три лучика обычного света, которые хаотично отклонялись в стороны, менялись в интенсивности и даже в ширине. Именно они, преломляясь в стекле, делали его мистически загадочным и нереально интригующим для простого обывателя.

Но принц лишний раз подтвердил, что он не так прост. Неужели и в самом деле видел нечто большее? Нечто, замечаемое только его матерью?

Потому что заявил, не спуская взгляда с главного предмета медиативного инструментария:

– Дело не в подсветке. Шар именно с твоими руками связь имеет...

Как было Марге не поинтересоваться:

– Какую связь? В чём она выражается? – так как ответа сразу не последовало, наводящие вопросы продолжились. – Видны какие-то огоньки? Или светящиеся линии между нами?

– Да нет... тут что-то другое... – пытался наследник короны подобрать слова. – Понимаешь, когда ты его взяла ладонями, шар словно выплеснул из себя радость узнавания, удовольствие какое-то...

– Вон оно как... – гадалка со сложными чувствами осмотрела свой инструментарий со всех сторон, катая его по бархатному покрытию стола, а потом опять прижала к груди. – Ладно, тогда сиди и слушай, а я попытаюсь наговорить что-то о твоей судьбе... Ну или о том, как избавиться от неприятного сна...

Расслабилась, выбросила всё лишнее из головы, а потом начала жонглировать словами, перескакивая с одного понятия на другое и порой используя совершенно полярные предположения. А все основные ощущения сосредоточила в ладонях, стараясь уловить еле заметное потепление под подушечками пальцев. Только так Марга могла прочувствовать: приближается она к истине или нет.

Начала вроде издалека, и совершенно не в тему. Порасуждала о цветах. Потом про окружение. Чуток о причинах недоброжелателей... Поговорила о разных расцветках и постепенно перешла к вопросу отдыха. Поездка на море... Возможный стресс во время последней... Яркое недовольство какой-нибудь личностью... Особо яркий фильм, давший сильный толчок к впечатлениям... Книги тоже разные бывают... Личные переживания... Боязнь где-то не успеть... Явное опоздание...

Шар чуточку, в одном месте, только под парой пальцев потеплел!

И это опоздание связано с событиями давними... В последние годы... В последние месяцы... Недели... Вчера... Сегодня...

Под пальцем второй руки появилось тепло!

Размышления по теме всего дня, используя такие понятия, как завтрак, прогулка, визит, личные отношения с супругой или детьми...

Тепло разом ушло!

Опять про визит... Посещение гадалки... Краткое предположение о смысле такого похода... Иногда полезно не делать такие визиты... Но если уж пришёл, следует выполнять данные советы...

Явный всплеск тепла под ладонями!

Пересказ тех слов, которые были сказаны с самого начала визита... Повтор уже сказанных предложений почти с той же интонацией и убеждением... Повторение фразы: «...А сейчас... иди... Иначе изменится твоё предназначение...» И лёгкое сожаление, что принц не послушался...

Вот тут уже шарик явно дал знать волной тепла, что это самое важное!

Если уж так случилось, то возможности избавиться от сна всё равно остаются... Надо только сделать нечто важное... Надо только сменить обстановку... Не помешало бы куда-то уехать в дальнее путешествие... А ещё лучше пройти полное

обследование у врачей... Скорей всего, ничего уже от самого принца не зависит...

До последнего предположения шар охладел, зато во время одного прямо-таки ударил явным теплом! Маргарита-Иллона уже почувствовала жуткую усталость, когда подводя некий итог, проговаривала последние слова-рассуждения:

– Сделать уже ничего нельзя... Исправить – тоже. Теперь тебе только остаётся ждать, плыть по течению и надеяться... и надеяться на самого себя... И на своих новых друзей... странных друзей... не от мира сего... – Она уже перешла почти на шёпот, делая большие промежутки между словами: – Ну, и самое главное... надо тебе постараться... очень постараться часто не... часто не... – трудно было сказать подобранное сознанием слово, но шар чуть ли не колот странным, никогда доселе не ощущаемым теплом. И Марга, широко раскрыв глаза, вытолкнула это слово из гортани: – Умирать!

А клиент сидел напротив, через стол, с явным скепсисом рассматривал вспотевшую, покрасневшую толстую и совершенно не верил в услышанное. Злился на самого себя, на свою мать и не понимал причин, по которым он сюда всё-таки подался. Никогда в подобную чушь принц не вникал, никогда не представлял себя в похожем месте и часто сам высмеивал подобных олигофренов, которые верили в мистику, гадания и прочую белиберду.

«Ну ладно моя мать, – рассуждал он с невероятной досадой на собственную наивность, – ей уже по возрасту положено подобными глупостями развлекаться! Но как я до такого опустился? Если кто узнает, позора не оберёшься! И хорошо, что я свою свиту в курс дела не вводил, не то стал бы настоящим посмешищем даже среди своих... Пора отсюда сматываться!»

Нет, телохранителей он с собой взял, всё-таки совсем бесшабашным авантюристом никогда не был. Но те сидели в машинах за ближайшим перекрёстком, в минуте быстрого бега от данного места, и ничего не знали о самом визите. Знал только их шеф, с которым иначе и не получилось бы сговориться, да и он являлся единственным, которому можно было доверить подобную тайну. В данный момент начальник охраны сидел в машине со своими костоломами и с помощью подслушивающей аппаратуры улавливал каждый шорох в данной комнате и внимал каждому слову. Он и так знал все личные тайны принца, в том числе и о неприятном сне, так что одной больше, одной меньше... Такой человек не проболтается.

Но в любом случае, балаган следовало заканчивать и быстрее сматываться. На улице вечер, людей и освещения предостаточно, если его узнают – издёвок не оберёшься, а жёлтая пресса так вообще заплюёт ядом. Только вот раздражение нарастало, хотелось хоть как-то досадить этой глупой толстушке.

Поэтому его высочество шумно выдохнул и резко встал во весь свой немаленький рост:

– Всё? Деньги за насыщенную беседу оставлять здесь или на выходе?

– Я ведь сказала, никакой оплаты... – гадалка осторожно, дрожащими руками водружала свой шар на подставку. – Моёй помощи никакой не было...

– Увы! В этом я и не сомневался! Но я всё-таки заплачу за отлично проведённое представление!

И он стал доставать из кармана заранее заготовленные деньги. Устраивать скандал шарлатанке не хотелось, а вот унижить напоследок, поставить её на место и показать, как он ко всему услышанному здесь относится, – следовало в любом случае. Он так и сделал, выбрав только одну банкноту из десятка приготовленных, и положил её на стол со словами:

– Сдачи не надо!

И тут за спиной у толстухи, в глубине дома, так громыхнуло и затрещало, что сам воздух завибрировал. Одновременно с криками послышался визг, звуки борьбы, топот. Не успел принц прийти в себя и начать пятиться к двери, как в салон, срывая шторы на широком проходе, ввалилось с воплями пять мужиков разного возраста и комплекции. Несмотря на полумрак в комнате, они сразу опознали в посетителе наследника престола и с единым рыком «Вот он!», ринулись в его сторону. Оружия у них не было, если за такое не считать две бейсбольные биты в руках, обломок како-

го-то стула и совковая лопата с коротким черенком. Одновременно всё это было брошено в высокородного клиента.

С первого взгляда было понятно, кто ворвался в дом к гадалке: ярые противники монархии. Те самые, недовольные жители столицы, проживающие по соседству и которых так опасалась Маргарита-Иллона Толедская. Видимо, кто-то всё-таки высмотрел входящего, опознал и, собрав ватагу недовольных, вломился в дом с чёрного входа.

Принц был человеком сильным, спортивно одарённым, к тому же военным. Во время занятия спортом, особенно в период обучения в военной академии, прикладывал достаточно усилий для овладения навыками самообороны. Обучался борьбе, неплохо боксировал, учился основам джиу-джитсу. Но в том-то и дело, что все и везде он проходил по верхам, схватывая только некие основы, никогда не углубляясь в полном самосовершенствовании в чём-то одном. Поэтому ему даже в голову не взбрело защищаться, контратаковать неожиданного соперника.

Тем более что в голове ясно и чётко звенела только одна мысль:

«Через минуту здесь будут мои охранники!»

Поэтому он вполне расчётливо и верно попытался покинуть место событий и ринулся к выходу. Но в этом ему очень не повезло. Во-первых, из-за тяжёлых портьер, которые висели по периметру всей комнаты, он не попал в дверь, а ткнулся в стену, теряя драгоценное время. Во-вторых, бро-

шенные в беглеца два предмета – скорей всего, по случайности, оказали невероятный результат попадания. Оружие садового инвентаря попало в ноги, вызывая падение. Тогда как деталь спортивного инвентаря – вульгарно саданула прямо по лбу. Удар не оглушил, но слегка рассёк кожу на лбу, вызвав небольшое кровотечение. При этом принц упал, затем сразу вскочил на ноги, но было уже поздно.

Столкнувшиеся со столом налётчики его с рёвом оббежали и не столько бросились избивать ненавистного им представителя монархии, как, уцепившись в него, попытались вновь уронить на пол. Наверное, решили, что ногами пинать наследника короны будет намного сподручнее и эффективнее.

В этот момент в диком визге зашлась толстуха-гадалка, и послышался треск взламываемой наружной двери. Что интересно, треск никто толком не расслышал, а визг ни один человек не истолковал правильно. В сознании всех мужчин промелькнуло понимание, что Марга испугалась и за свою жизнь. Тогда как на самом деле она с ужасом смотрела на свой бесценный шар, который от толчков свалился с подставки и теперь медленно катился к дальнему краю стола.

Там происходили основные события. Ворвавшиеся антимонархисты не были хилыми или коротышками, но и принц со своим ростом и природной силой оказал стоическое сопротивление. Несколько зуботычин он выдержал, даже не заметив их в суматохе. Повалить его на пол с ходу не удава-

лось, и вся эта рычащая, ругающаяся толпа мужчин с грохотом и топотом опять вернулась к центру комнаты. А там так получилось, что принца удалось прижать к столу, а потом и грохнуть его хорошенько лбом о бархатное покрытие. Получилось и звучно и красиво. Энтузиазм возрос, рёв усилился, и недовольный народ продолжил наказание, подбадривая себя криками:

– Змей! Гадать он пришёл! – удар.

– Мало ему нашей крови! – удар. Тут стеклянный инвентарий подкатился к месту экзекуции.

– По шару его! Пусть узнает будущее! – удар, но уже не по столу.

– Сильней! Бей! – удар, но уже и не лбом.

– Долой монархию в на... – удар, который резко оборвал вопль свалившегося без сознания крикуна, был нанесён ему в затылок. Все остальные удары ворвавшихся телохранителей принца по своей точности и эффективности не шли ни в какое сравнение с теми, которые были тут произведены мгновением раньше.

Визг прекратился. Двое из пришедших на помощь аккуратно коснулись лежащего на столе принца Фредерика. И когда его чуть приподняли, у Маргариты-Иллоны Толедской вырвалось с облегчением непроизвольное восклицание:

– Цел!..

Но относилось всхлипывающее восклицание только к стеклянному шару, грязному в данный момент от «голу-

бой» крови наследника короны.

Сцена 2

Фредди проснулся как всегда. Ещё в полной темноте своей спальни, в любимой позе на животе, в преддверии и чётком осознании грядущего подъёма, и в любимом настроении, которое весьма длинно называлось «Полежать минут десять с закрытыми глазами, не шевелясь, и помечтать о чём-нибудь жутко приятном». Всем подобные мечтания помогали лучше заснуть, тогда как принцу – отлично начать день, а потом с благосклонностью и радостью принимать счастливые подарки судьбы. Об этой его привычке знала жена, знали родители, ну и знало всё близкое окружение. Знали и поражались, как наследник умудряется всегда вот так проснуться? Ни разу он не проспал, ни разу его не приходилось поднимать с постели, и ни разу он не дожидался сигнала пробудки, звонка будильника, касания адъютанта или шёпота заранее проснувшейся женщины. Сам вставал за минуту до намеченного срока, отключал готовый зазвенеть сигнал будильника, отсылал взмахом руки замершего у двери вестового или с ходу опережал удачной шуткой даму своего сердца. Пожалуй, это уникальное свойство-умение больше всего и поражало окружающих.

И опять-таки они дружно больше всего опасались побеспокоить Фредерика именно в эти десять минут. Если такое случалось, день у него был испорчен фундаментально, а всем

виновным и невиновным доставалась изрядная доля раздражительного гнева, несправедливой ругани и масса въедливого сарказма. Уж на что жена была любима и балована, и то предпочитала дожидаться действий супруга, чем самой шевельнуться раньше времени и заявить о причинах бессонной ночи или о терзающих сознание проблемах.

Так что помешать никто не мог. В принципе. Тогда как на самом деле всё сегодня происходило совершенно иначе:

«О чём таком приятном помечтать? – родилась блаженная мысль. – Можно и про... э-э-э?» – вот тут и вторглась в сознание первая странность: лежать было жестко и страшно неудобно. Одеяло на спине не ощущалось и под щекой что-то неприятно надавило.

«Отлежал... – расстроено подумал принц. – Или я себе вчера позволил алкоголь?»

Излишней тягой к выпивке он не страдал, и по понятиям большинства подданных, являющихся натуральными алкоголиками, мог считаться человеком непьющим. Но иногда бокала два шампанского или чуток отличного бренди себе позволял, и последствия такого позволения организм всегда отменно чувствовал на следующее утро. То есть неудобство позы было быстро, пусть и подспудно оправдано.

Только затем навалился на разум следующий фактор: неприятный запах. Причём запах знакомый, узнаваемый. Получая высшее воинское образование и проживая довольно скромно в отдельной комнате, Фредерик несколько раз

попадал в казармы рядового личного состава. В его стране служба была почётна и хорошо оплачиваема, жили солдаты в чистоте и порядке, но всё равно в казарме наличествовал тот определённый мужской дух, который порой сопутствует раздевалкам спортсменов. Вот этот неистребимый запах казармы и ощутили органы обоняния.

Объяснение подобному – сознание не отыскало. Но хуже всего, что улетучилось напрочь желание помечтать и появилась обеспокоенность.

«И не слышно дыхания жены!..» – в последние годы он спал только с ней. Причём каждую ночь (если не был в отъезде) только с ней. А тут он дыхания не мог услышать по иной, невероятной причине: его и нельзя было бы расслышать по причине мощного... храпа! Причём храп вырывался сразу из нескольких мужских глоток!

Это уже выходило за рамки всех догадок, домыслов, предположений и даже буйных фантазий. О шутке не могло быть и речи, об издевательствах – тем более, а недоразумений подобных – попросту не бывает!

Но одна догадка всё-таки мелькнула:

«Наверное Лу не выключила телевизор... Хотя... она его с вечера и не включала... Мм... а что у нас было вечером?..»

Какие-то несуразные сцены замелькали в неожиданно туманной круговерти сознания: бред какой-то толстухи, крики, потасовки, приближающийся прямо к глазам шар... искры из тех же глаз после удара...

Вот тут Фредерик поёрзал щекой по подушке. И понял чётко: это не подушка! Скорей какой-то несуразный валик из брезента! А значит, надо осмотреться и понять, кто это с утра ему осмелился испортить настроение на весь день. Поднял голову, открыл глаза и... окаменел. Да так с минуту и пялился на всё увиденное.

В левую сторону от него отходила линия низких солдатских кроватей, на которых, кроме матраса и валика, ничего больше из постельных принадлежностей не было. На кроватях спали мужчины, про одежду которых можно было выразиться идентично постельным принадлежностям. А говоря по-простому – совершенно голые! Да! Ещё и лысые! И всё это при освещении тускло горящих, забранных решётками фонарей, прикреплённых к стене.

Фредди, даже не касаясь своей головы рукой, понял по движению лёгкого сквозняка, что она тоже лысая. Тело щупать посчитал лишним: однозначно костюм «В чём мать родила». Стало понятно, кто глушил своим храпом дыхание жены. А именно:

«Кошмары! Мне снятся кошмары...! – после чего взгляд был переведён прямо перед собой. – Оп-па! Ещё один!»

Широкий, метра три, коридор вдоль кроватей оказался занят рядом табуреток у изголовий, на которых лежали стопками комплекты обмундирований, а прямо напротив тоже на таком же табурете восседал военный в форме. Он, в свою очередь, тоже с недоумением пялился на Фредди. Осве-

щения хоть и не хватало, но неприятную, уголовную рожу сидящего типа, обезображенную несколькими шрамами и только слегка прикрытую короткой щетиной, удавалось рассмотреть идеально. Всё-таки он находился в метре, не больше. Глубокие, насыщенные бешеной злобой глаза. Трепетные стенки носа, словно приносящиеся к окровавленной жертве. Приоткрытые для ругани губы. Видимый во рту, на четверть отломанный передний зуб. И всё это обрамлено ёжиком колючих волос и сидит на толстенной шее, которая резко переходит в такое же, увитое бугрящимися мускулами тело.

И вот этот кошмар, который вначале показался окаменевшим, вдруг ожил и утробно прошипел:

– Чего это ты не спишь?

И только пытаясь отыскать достойный ответ на такой диковинный вопрос, принц вдруг отчётливо вспомнил о событиях вчерашнего дня. Грохот, попытка побега, падение... Потасовка... Прикрытые глаза от несущегося навстречу им шара гадалки... И даже вновь ощутил боль на лбу от попавшей туда бейсбольной биты.

Наверное, поэтому вздрогнул всем телом и ответил совершенно произвольно:

– Не спится...

От такого ответа вояка резко вскинулся, затрясся словно в конвульсиях, а потом грохнул таким смехом, что, наверное, и мёртвые бы проснулись. Но не успели ещё спящие толком

открыть глаза, как рывкнула сирена боевой тревоги, вспыхнул яркий свет, а подавившийся смехом вояка исступлённо заорал:

– По-а-а-адъё-ё-ём! Встать и немедленно одеться! Потом замереть у изголовья кровати по стойке «смирно»! Выполня-а-ать! Последние, а также самые ленивые будут наказаны жуткой болью!

Из этого всего Фредерик Астаахарский понял только одно: несомненно, что обращаются не к нему. А вот в чём весь остальной прикол, пока и задумываться не пытался. Попросту в неконтролируемой прострации (отнюдь такое любопытством не назовёшь!) перевёл свой взгляд на проснувшихся мужчин, ожидая, насколько хорошо тут поставлена дисциплина и насколько быстро приказание увитого мышцами горлопана будет выполнено.

После чего изумился ещё больше: никто даже не почесался! Нет, несколько человек всё-таки сотворили данное действие, причём в местах ну совсем не выставляемых на всеобщее обозрение, но сделали они это скорее машинально, ничего не соображая. И уж совсем не «почесались» в смысле деловитого и быстрого исполнения раздавшегося приказа. Тогда как выпученные глаза, нервно двигающиеся головы, отвисшие челюсти и прижатые от испуга (а у кого наоборот – оттопыренные) уши говорили о полнейшем непонимании того, что вокруг происходит. Кто отрешённо поглаживал свои лысые головы, кто сидел и тупо пялился на соседей,

кто вообще оставался лежать, чуть привстав, а сосед рядом с принцем так и замер в положении на спине, руки по швам. Могло показаться, что его хватил инсульт.

Между тем уголовно смотрящийся горлопан ещё больше взбеленился, повторяя свой первый приказ, а потом перешёл к угрозам:

– За невыполнение – будете все наказаны жуткой болью! Вста-а-ать!!! – ну и надо было видеть, насколько наплева-тельски, глубоко индифферентно отнеслись голые мужики и к этой команде. Мало того, лица большинства из них стали покрываться красными пятнами недовольства, а то и бешенства. А пару мужчин попыталась что-то строгое и жесткое сказать в ответ. Горлопан заорал: – «Получите!» – и тут же добавил: – «Единичку»!

Все без исключения голяки с криками извернулись, словно угри не сковородке. Но самое дикое и несуразное, что принц Фредерик тоже ощутил такую страшную боль вдоль спины до самых щиколоток, словно его стегнули раскалённой докрасна медной проволокой. Тем не менее, вопя от боли и подлетев над кроватью на добрых полтора метра, он успел заметить, что точно такое же болевое наказание досталось и смуглому соседу с рядом стоящей кровати. Он точно так же, как все, взлетел, пытаясь произвольно ощупать собственную спину, на которой до того лежал, и так же дико орал, как и все остальные.

Звереющий на глазах уголовник разорвался ещё громче:

– Это лишь первое по жесткости наказание! Немедленно одеться и встать у кроватей! Иначе получите по «двойке»!

Фредерик осознал себя чётко, ясно, до малейших деталей, хотя и продолжал корчиться, стоя на матрасе на четвереньках. Он успел рассмотреть несколько новых моментов: направо уже была стена, то есть его кровать была последней в ряду. Ну и то, что смуглый сосед, хоть и умудрился упасть после болевого удара на пол, уже вскочил, оказался возле своей табуретки и резким движением сдёрнул со стопки обмундирования нечто похожее на широкие, чуть ли не футбольные трусы. От большинства остальных коллег по непонятному несчастью неслась слитная ругань, угрозы. Общее количество их оказалось десятков, дюжина от силы. Хотя вначале сдавалось раза в полтора больше.

Тем временем тип продвинулся ближе к центру, метра на полтора. До крайности обозлённому принцу пришла в голову дикая идея:

«Надо этого придурка оглушить! Табуреткой!» – и он прямо с кровати перешагнул изголовье, наклоняясь к единственно доступному предмету мебели, стоящему ближе всего. Это его спасло от второго наказания, потому что было принято за попытку выполнить приказ «одеться!».

– Ах вы, уроды! – возопил неизвестный горлопан. – Не доходит через голову, так получите...

Его крик прервался слаженным воплем, исторгшимся из восьми глоток. И судя по извивающимся, бьющимся об пол

телам, боль и в самом деле оказалась намного большей, чем первый раз. Фредди так и замер, заледенев от ужаса, тогда как сосед уже довольно сноровисто надевал на себя довольно плотные, вроде как хлопчатобумажные носки.

– А теперь повторяю последний раз: немедленно одеться и встать по стойке «смирно» у своей кровати! Кто сделает это последним – получит «троечку»! Выполнять!

Поддействовало: сразу два человека трясущимися руками потянулись за своими вещами. А тип со шрамами на морде продолжал неистовствовать:

– Вижу, ещё не все поняли?! Получите! – шесть самых неповоротливых получили, кажется, «единички», потому что опять стали извиваться, как уже раз упомянутые угри. Сразу после этого один пострадавший заорал не менее громким, грозным криком:

– Да я тебя сейчас...! – и тут же свалился наземь от «двоечки».

– Всем молчать! За попытку говорить и что-то вякать – боль первого ранга, «единичка». За грубый окрик или ругань в мой адрес – «двоечка». За попытку ударить – «троечка»! Обращаться ко мне только «господин сержант!» и только после моего разрешения. И учтите, наказания по шкале варьируются до «восьмёрки»! После такого «угощения» будете несколько часов валяться измочаленным болью овощем. Живей! Шевелитесь! А то назначу последними, заслужившими наказания лентяев – двоих сразу! Или уже забыли,

что сейчас один из вас схлопочет «троечку»?!

Теперь уже стали одеваться все без исключения, а смуглый сосед принца так вообще заканчивал, оправляя на себе уже всё надетое, скорей рабочее, чем военное обмундирование защитно-грязноватых расцветок.

Даже больше всех получивший наказание здоровяк возле шестой по счёту кровати проявил неожиданную сноровку, одеваясь со скоростью отлично обученного спецназовца. Вскоре уже девять человек попытались встать в некое подобие «смирно» возле табуреток собственных кроватей. А вот один явно не торопился, надев только брюки, и теперь с каким-то презрением рассматривал натягиваемую через голову рубаху. Ему и досталось:

– Летит «троечка».

Замешкавшийся индивидуум вдруг несуразно крутнулся на месте, словно в брейк-дансе, свалился на пол и затрясся в неистовой судороге.

– Болевое ощущение «троечка», – перешёл на менторский тон сержант, начав прохаживаться перед строем, – отличается продолжительностью в минуту и полным ощущением всех прелестей в этот период «двоечки» и «единички». Очень отлично прочищает мозги лентяям, даунам и хитрожопым ублюдкам. Кстати, коль у нас по вине самого тупого появилось лишних полминуты, прочту короткую лекцию о причине вашего пребывания здесь. Она проста: вы пока никому и даром не нужны, но вас будут учить сражаться, будут застав-

лгать выполнять скрупулёзно любые приказы и часто убивать самыми изощрёнными способами. Ваша задача: всё это выполнить и выжить! Но для этого стать роботами, идеальными солдатами, выполняющими мою волю не задумываясь и с наивысшим усердием. Остальные разъяснения будете получать по ходу наших занятий. О... самое ленивое животное вроде стало приходить в себя...

Наказанный в самом деле попытался приподняться на локте и просипел:

– Я первый наследник императорск... – и сам себя прервал на полуслове воплем от пронзившей его спину боли: – А-а! У-у-у!

И снова дёрнулся от «единички». Тогда как всеми ненавидимый угнетатель продолжил тем же поучительным тоном:

– Это – для придания скорости! – очередной вопль, и изогнувшийся наследник чего-то там получил сразу повторное болевое наказание. – А это – за нарушение приказа разговаривать без разрешения! – рявкнул сержант, и тут же последовало третье идентичное наказание. – Ну и добавка по поводу того, кто вы есть. Я этого не знаю и знать не хочу! И глубоко плевать на ваши родословные! Здесь вы никто! И отныне ваши имена заменяются номерами. На левом фланге вашей шеренги стоит Первый, на правом – Десятый. Ну?! – Он шагнул к спесивому парню, который с трудом поднимался на дрожащих ногах у третьей по счёту кровати. Горлопан зарычал на него не хуже льва в дикой саванне: – Шевелись, деби-

лоид ленивый! Цегуни рекаля! – и хлётко нанёс несколько пощёчин, так и не завершившему одевание Третьему.

Причём получилось не настолько больно, как унижительно и невероятно обидно. Налившийся краской бешенства парень резко распрявился, как пружина, косясь на единственно здесь возможное оружие. В глазах сержанта проклюнулось нечто вроде интереса, и он даже шагнул ближе к избираемой жертве. Похоже, ему стало любопытно, решится ли тот на открытое сопротивление.

Оказалось, что не один Фредерик Астаахарский или всё тот же Третий мечтали проломить башку этому уроду табуреткой. Потому что удобным моментом попытался воспользоваться Шестой. Он в присяде и в движении вперёд постарался подхватить табуретку Пятого и в дальнейшем прыжке с места вознамерился всей массой объединённого с оружием тела достать садиста-уголовника. Видна была и отличная моторика атаки, и невероятная скорость движения, и несомненный опыт в подобных вещах отлично тренированного тела.

Да только, увы, ничего не получилось. Ещё в момент самого начала прыжка по нападающему ударила «троечка», превратив его в банальную, трясущуюся от боли статую. Статуя, выпуская табуретку из рук, рухнула за спиной сержанта, который не оглядывался даже, а просто сделал шаг вперёд. При этом Третий, уже в который раз, изогнулся от удара невидимого хлыста по спине и получил последнее предупреждение:

– Ещё раз застынешь на месте вместо исполнения моего приказа, буду наказывать только «двоечками». Одеться и встать в строй! – затем, даже не глядя на жертву своего насилия, тянущуюся к рубахе, развернулся к дёргающему в конвульсиях боли Шестому и обвинительно ткнул в него указательным пальцем: – Так будет с каждым! К тому же при особо большой «симпатии» с моей стороны я для наиболее шустрых, наглых или резвых не пожалею «четвёрочки» или «пятёрочки». Учитывайте это, олухи!

Носком своего армейского ботинка он откатил тело чуть в сторону и прошёл к центру коридора. Там развернулся и опять рывкнул:

– Пятый! Твоя табуретка должна стоять у изголовья твоей кровати!

Тот посмотрел исподлобья на горлопана и словно выплюнул из себя:

– Ну так поставь её на место! – и сжал до белизны кулаки, пытаясь приготовиться к отражению болевой атаки. Но её сразу не последовало, раздалось наущение, сопровождаемое поднятым, на этот раз вверх, указательным пальцем:

– Я только что упоминал про особо наглых. Этот... – палец опустил на поднимающегося Шестого, – ничем меня не оскорбил, пытаясь просто убить. А вот ты... – всё тот же палец, который десять пар глаз страстно мечтали выломать одним только ненавидящим взглядом, теперь указал на Пятого, – меня пытаешься унижить. Возомнил себе, что имеешь

право приказать своему командиру...

– Ты не командир! – не разжимая зубов, процедил Пятый. – Ты пустое место!

– Ха! Почему же ты оделся?

– Если уж умирать, то одетому!

– Похвально, признаю... Но! Нерационально, – со смешком продолжил сержант, – и сейчас я тебе посчитаю почему: два раза ты заговорил со мной без разрешения, а это две «двоечки». И два раза меня попытался оскорбить, а это уже весьма негативно скажется на твоём самочувствии: две «четвёрки». Но и это ещё не самое для тебя печальное! За подобное поведение одного, когда сумма штрафов превышает цифру десять, полагается наказание для всех. А именно: по «двоечке» на рыло – для первого раза. Так сказать, для сработанности коллектива, выработки ощущения чувства локтя и зарождения духа общности и сопричастия в любом деле. Весьма, знаете ли, штука полезная, помогающая дружбе и взаимоподдержке. Ха-ха!.. Но это так, к слову... Пятый! К наказанию готов?

Тот и так уже побледнел от перенапряжённого ожидания, поэтому не ответил, а скорей прохрипел:

– Попробуй!..

На что мучитель словно обрадовался:

– О! Ещё «единичка»! За неправильный ответ и за отсутствие обращения «господин сержант»! Поэтому с неё и начнём...

Не успел он договорить, как наказуемый дёрнулся от боли вдоль спины, давя в себе глухой стон. Но не просто устоял на ногах, а даже с места при этом не двинулся. Это напомнило сержанту ещё о чём-то, вызвавшем у него здоровый, оглушительный хохот. И, только отсмеявшись, он дал объяснения:

– Чуть не забыл! Если кто мнит себя великим гипнотизёром, шаманом или чемпионом по художественному пуканю, забудьте об этом, как о мамкиной титьке. Здесь оно вам не только не пригодится, но даже будет значительно вредить здоровью, мешать обучению и отвлекать от полноценного физического развития. А получаемую боль лучше не перенаправлять на своего командира, как только что пытался сделать вот этот дебилоид, а попросту постараться эту боль не заслуживать. Это же так просто, парни! Делайте все, что я вам прикажу, и будет вам счастье! Ну а пока...

И все десять новобранцев ада повалились на пол от ударившей боли «двоечек». Фредди, в отличие от большинства несчастных, впервые прочувствовал удвоенную по сравнению с «единичкой» боль, прокатился по полу, не зная, как от неё избавиться, и даже умудрился прокусить себе щеку стучащими зубами. Но и при этом сумел кое-что рассмотреть. А именно: поведение своего соседа. Тот дёргался меньше всех, а потом, после команды «Встать!», стал подниматься чуть ли не самый первый.

Уже стоя на четвереньках, принц шёпотом спросил у Девятого:

– Разве тебе не больно?

– Больно... – зашептал тот в ответ, почти не раскрывая рта, – но такова наша карма... Поэтому надо расслабиться и терпеть...

«Ну, точно индус! – пронеслось в голове у Фредерика. – Потому и смуглый такой! И худобой больше йога напоминает... Зато у него масса тела меньше... а потому и нервных окончаний – конкретный недостаток...»

Не успел десяток подняться, как экзекуция Пятого продолжилась по обещанной программе. Он пару раз подергался в конвульсиях от индивидуальных «двоечек», а потом его скрутила болью первая «четвёрка». Из глотки вырвался хрип, похожий на собачий скулёж пополам со скрипом несмазанных дверных петель. Длилось подобное наказание полторы минуты. Потом три минуты перерыва, в конце которых наказуемый только попытался чутко со стоном шевельнуться, и сразу же вторая порция. Всё это время остальные девять воинов с ужасом взирали на происходящее, тиснились понять, что вокруг происходит, и только краем сознания пытались осмыслить, что опять с менторским пафосом талдычит мерзкий сержант. Разве что уразумели одно: их сейчас, сразу пытаются сломить морально, уничтожить духовный стержень сопротивления и фактически превратить в ничего не думающих рабов.

А лектор, наверное, сопоставил себя с академиком, вещающим с военной кафедры перед многочисленной аудитори-

ей студентов философского толка:

– Воины! Существует великое правило жизни, и оно гласит, что усилие – есть необходимое условие нравственного совершенствования. То есть любая нравственная, моральная победа над своим духом – это результат определённых, порой невероятно тяжких во всех планах усилий. А чтобы достичь наивысших высот, надо совершать подвиги, слагающиеся из пирамиды усилий, – чуть ли не ежедневно! А посему гордитесь! Вам дан уникальный шанс для совершенствования себя как личности, шанс развития в себе харизмы, шанс для возвышения на недостигаемую высоту своего духовного облика и шанс навсегда остаться в истории благодаря своим великим, прогрессорским деяниям! Не упустите этой возможности!

То, что он говорил, никак не соответствовало тому, что творилось раньше, и тому плачевному состоянию, в котором пребывал пускающий слюни Пятый. Наверное, именно по этой причине самый молодой на вид, чуть ли не юный парень возле седьмой коечки, выразил изумление в коротком вопросе:

– А разве я не погиб? – и тут же изогнулся от минимального наказания, а все получили напоминание.

– Седьмой! Говорить я тебе не разрешал, олух царя небесного! И вообще, я вижу, до многих никак не дойдёт вся серьёзность вашего положения. А значит, пора немножко разогнать кровь утренними упражнениями! Нале-во! На выход,

бегом, марш! И не пытаемся пройти мимо Пятого! Подхватили его под локотки, помогаем товарищу по команде выйти на утренний, свежий воздух! Живей, живей... цегуни рекаля!

И опять последние два слова показались Фредди смутно знакомыми. Словно они ассоциировались с неким иностранным языком, в котором обозначали нечто препротивное, мерзостное, гадкое и всеми ненавидимое. Но в то же время сразу пришло в голову понимание странного факта: до сих пор он слышал и даже сам задал вопрос на совсем ином языке. Не родном для себя! И не известном ранее вообще! Но всё равно понимаемом на максимально возможном уровне!

«Если предположить, что я на том свете, а точнее говоря в аду, – то всё сходится, – пытался он хоть как-то осмыслить логически происходящее. При этом двигался легкой трусцой, замыкая колонну, передвигающуюся по длинному, плавно изогнутому коридору. – Меня били – я мог погибнуть... да и вопрос этого зелёного Седьмого многое проясняет. Скорей всего, и он погиб... И этот индус, Девятый, булькает что-то о смирении и о карме, значит, быстрее всех догадался, куда мы попали... Вот только что же такое «цегуни рекаля»? Откуда у меня уверенность, что я знаю ответ?..»

Мысленное напряжение, и из глубин иной, наложенной насильно, памяти всплыла мерзкая, с козлиной бородкой хоря, с небольшими рожками, торчащими на лбу. Сложно бы-

ло понять, то ли это цегуни, то ли рекаля, но однозначно и накрепко с этими двумя словами связанное. А по всем понятиям и поверьям, рогатый – это чёрт. Тут же выстроилась понятная ассоциативная цепочка: гибель – ад – издевательства – дьявол – муки вечные.

К моменту рождения данной мысли в голове принца десятков под окрики сержанта вывалился на некое открытое пространство, похожее на длинный двор, огороженный в конце забором с массивными воротами. И уже во дворе было достаточно взглянуть на небо, чтобы окончательно удостовериться: над головой – совсем не небо! И не крыша, и не свод, и не туман с облаками... хотя нечто там точно клубилось, вспыхивало отсветами молний, кипело, взрывалось, горело и плавилось под давлением тьмы.

Предварительный вывод в результате ассоциаций получил визуальное подтверждение. Ад! Ну, или уж точно один из его филиалов! Даже всплыло в памяти такое неприятное слово, как концлагерь.

Замерли все. Даже самостоятельно уже стоящий на ногах Пятый задрал голову. Десять пар глаз тупо пялились в небо, не желая поверить в ужас происходящего. Похоже, мысли у всех двигались по идентичным руслам логики. И почти никто не заметил, как замерший чуть в сторонке мучитель, злобно оскалился и фыркнул, сдерживая громкий смех. Этот момент периферийным зрением Фредди и засек. Сержант словно получал удовольствие, наблюдая за моральным муче-

нием шокированных случившимся мужчин. Специально выждав точно расчётное время, он вновь своим рёвом заставил вздрогнуть весь десяток:

– Солдаты! Чего встали, скоты безмозглые?! Ещё насмотритесь на красоты Полигона! Это я, Эйро Сенатор, вам обещаю! Команды остановиться не было! Получите! – Словно бичом электрического тока, «единички» вновь взбодрили несчастных грешников ощущением содранной на спине кожи, и десяток со стоном опять перешёл на трусцу. Горлопан со шрамами бежал чуть в стороне, тыкая рукой в сторону открывающихся ворот: – За ними – ваша жизнь! За ними – ваше будущее! Отныне забудьте про всё в прошлом и все силы отдавайте усердию и обучению! И за воротами не вздумайте меня опозорить! Идём сразу на разминочный круг по малой полосе, вряд ли вы для первой утренней зарядки осилите больше...

И как только пересекли условную линию выхода со двора, бедняги вновь вылупили глаза на диковинные виды некоего городка – полосы препятствий. Тем временем громкость ругани и её витиеватость только усилилась:

– Закончили маршировать, ослы беременные! Переходим на бег и показываем первый результат! За мной! Не отставать! Трое последних – постоянно, раз в минуту будут поощряться местными осами! Время пошло!

После ускорения бега его высочество Фредерик Астаахарский вдруг понял, что он недаром угодил в этот ад под

последним, десятым номером. Все остальные товарищи по несчастью оказались выше его и однозначно с более длинными ногами. Да ещё и по ранжиру принц очутился в конце строя. Так что не успел он даже поравняться с последней парой коллег, как всех троих словно пропекло чем-то невероятно жгучим ниже спины. Словно в самом деле некая дикая оса ужалила в задницы, и там взорвалась порция всеразъедающего яда. Хотя зрение никого и ничего постороннего не отметило.

Сравнить испытанные ощущения с болью или неприятными чувствами, – это ничего не сказать. Наверное, легче было перенести наказание «троечкой», а то и «четвёрочкой». Хотелось не бежать, а неистово почёсывая ужаленное место, прыгать в высоту без всякого шеста. Но сама мысль, что по истечении минуты подобная экзекуция опять повторится, заставила так ускориться, пусть даже всё с теми же прыжками и с теми же почёсываниями, что троица моментально перестала любоваться красотами диковинного Полигона, резко сократила расстояние до основной группы и пошла на обгон. И всё равно к прилёту следующих «ос» принц оказался только восьмым в десятке. Повторная доза яда, или что там использовали структуры местного ада, показалась даже более болезненной, чем первая. Но зато существенно помогла ускориться, и даже прорваться в общем зачёте примерно на шестое место.

Но тут же Фредди сообразил, что здесь ещё бегут «неби-

тые», которые толком и не поверили в существование каких-то ос, а скорее всего, отнеслись к ним бесшабашно. А значит, и они вскоре добавят в скорости. Так что пришлось подналечь и выйти на почётное четвёртое место. Впереди, чуть ли не в метре за сержантом, двигались сразу одной шеренгой три человека: индус с девятой кровати, здоровяк с шестой и молодой парень, которого, скорей всего, назовут Первый, если судить по его расположению спального места. Кстати, этот тип был единственным, у которого ещё оставалась поросль на голове кроме ресниц и бровей. Его одухотворённое симпатичное лицо, чем-то напоминающее изображение какого-то иностранного, известного в своей стране поэта, обрамляли бакенбарды аристократического вида. Принц облик того деятеля искусства вспомнил, потому что совсем недавно вместе с женой участвовал в открытии какой-то выставки или конкурса, посвященной поэту.

Из этой троицы Девятый казался самым слабым: он сильно покраснелся и, несмотря на удобу, интенсивно потел. Но именно тощий вид соседа по казарме на некоторое время отвлёк внимание Десятого: он впервые подумал о том, во что их одели и как точно удалось каждому подобрать нужные размеры. Нигде ничего не давило, не тёрло и не жало. Обувь, пусть и тяжеловатая, сидела на ногах как влитая, и можно было в ней хоть сейчас отправляться в пеший многодневный маршрут средней сложности через горы. Штаны и куртка-рубашка из плотного материала с многочисленными

карманами на липучках или молниях – тоже сидели на каждом идеально. И опять помогла логика.

«Если нас могут любой болью пинать и в любое выбранное место, то что им стоило с нас снять электроникой некие параметры, да с той же дьявольской точностью просто наколдовать всё нам необходимое? Натирать нам мозоли, как и просто резать на куски, а уж тем более убивать – никто нас не собираются. Вроде бы... Понять бы ещё самое главное: какого дьявола мы здесь делаем?...»

Под последнее определение попадало столько возможных предположений и фантазий, что думать сразу перехотелось. Тем более что и положение в забеге стало резко меняться. Попытки прорваться в безопасную пятёрку лидеров усилились невероятно. Потирая ужаленные места и рыча сквозь сжатые зубы ругательства, мужчины стали сбиваться в одну плотную кучку. И Эйро Сенатор это заметил, словно имел глаза на затылке:

– Молодцы! Так держать! – подбодрил он совершенно неожиданно, даже не обернувшись. – Забыл сказать... кто находится в радиусе пяти метров от меня – того осы не трогают!

После чего всё-таки оглянувшись, страшно оскалился в ухмылке и... ускорился. Причём сам он не бежал, а просто перемещался без малейших усилий. Подобным образом порхает беззаботный мотылёк, катится мяч с горы или шумит игривый ветер. Не возникало малейших сомнений, что в слу-

чае необходимости сержант может вдвое ускориться, а то и втрое.

А вот бегущим за ним следом – пришлось невероятно сложно. К двадцатой минуте бега окончательно спёкся и сам принц Астаахарский. И осы его постоянно не жалили лишь по той причине, что в десятке нашлось ещё шестеро «слабачков», да к ним пару раз прибавился приотставший и довольно вымученный индус. Единственные, кто так и не получил ни одной порции пекущего яда, – Шестой и Первый. У некоторых закрались в душу подозрения, что они если не лучше самого сержанта, то уж ни в чём тому не уступают. Слишком они уверенно двигались, размеренно дышали и совершенно не выказали малейшей усталости, когда десяток опять вбежал во двор, а ворота, ведущие на Полигон, закрылись.

«Вдруг эти двое – в сговоре с мерзким Эйро? – неожиданно пришла в голову к Фредди мысль. – А когда их наказывали, то они явно притворялись...? – и тут же сам себя осадил: – Чего это я? Неужели завидую их выносливости? Э-э-э...? А куда это мы ползём? Может, и в самом деле провели утреннюю разминку и сейчас отправимся на завтрак?...»

Как это было ни странно, но так и оказалось. Правда, войдя в здание без окон, без дверей, поводырь двинулся не по прежнему коридору, а по новому. Там они оказались одновременно на белом участке, словно выложенном подсвеченным пластиком, а глаза успели засечь комбинацию разноцветных вспышек. И тут же понеслись новые наущения:

– Радуйтесь, остолопы! Теперь вам не придётся тратить время на мытье своих рож, на чистку зубов и на стирку униформы. Только что вас и почистили и вымыли. Правда, не надейтесь, что вас лишат удовольствия справлять естественные надобности... Ха-ха! Это уж сами... Да и питаться придётся более чем усиленно... – Все в этот момент ввалились в небольшую столовую с двумя длинными и довольно широкими столами, а также несколькими столиками круглой формы, стоящими на второй половине комнаты. Накрыто было только два из них: длинный справа и круглый в дальнем левом углу. – За стол! Рассаживаться по своим местам, номер каждого на лавке! Меняться местами нельзя! Время завтрака – двадцать минут! И главный совет: постарайтесь наесться впрок.

Все десять человек вроде старались двигать ногами, но те всё равно плохо слушались. При этом насильно мобилизованные солдаты были потрясены не только приятными запахами, но и визуальным изобилием пищи на огромном столе. Поражало в первую очередь количество громоздящейся еды! Ею можно было накормить человек сорок! А уж качество вообще изумляло: не иначе как из лучших ресторанов!

Приборы: вилка, ложка, нож. Стакан, кружка. Смена тарелок. Белоснежная льняная салфетка. Только первых блюд – шесть супниц на столе. Несколько трёхъярусных ваз с фруктами, в том числе ни разу Фредериком не виданными. Ещё больше подобных ваз с выпечкой, от разнообразия которых

сразу же текли слюнки. Ну а уж про салаты, заливные блюда и прочие холодные закуски вообще было неуместно упоминать. На завтрак это совсем не походило. Наверное, поэтому одна и та же мысль мелькнула у каждого из десятки:

«В аду так не кормят!...»

Сцена 3

Наверное, всё-таки быстрее всех в себя пришла хозяйка салона. Несмотря на свои крупные габариты, Марга проворно оббежала стол и сумела-таки ухватить докатившийся до края стола стеклянный шар. Потешно прижав его между животом и выдающейся грудью, она затараторила:

– Я ни в чем не виновата! И даже понятия не имела, кто записался ко мне с визитом. Поверьте! Я ни в чем...

– Заткнись! – прикрикнул на неё начальник охраны. Он в напряжении стоял с пистолетом в руках над телами спутанных наручниками, оглушенных антимонархистов. Лепет оправдания гадалки мешал ему прислушиваться к звукам, доносящимся от чёрного входа; докладам по связи от службы наружного наблюдения; и к монологу врача, коим по совместительству был один из телохранителей. Тот оказывал принцу первую помощь, аккуратно вытирая окровавленное лицо и пытаясь стянуть края ранки на лбу специальным пластырем. При этом утешал:

– Ничего, ваше высочество, ничего страшного... Шишка будет, но небольшая, сейчас наложим химический лёд – через час никто и не заметит... И синеву под глазом с другой стороны – устраним за часок. У нас такие кремы есть, любая женщина обзавидуетса...

Судя по ответам Фредерика Астахарского, тот вполне

успокоился и даже попробовал шутить:

– Только моей жене не говорите, ибо останетесь без кремов...

Правда, шутка получилась слишком многозначительная и с разными вариантами восприятия. Но телохранитель, посмеявшись, как и положено верному подданному, поддержал именно шутку:

– Да нам для ее высочества ничего не жалко!

Через минуту вернулся еще один боец, разбиравшийся с делами у чёрного входа, и шёпотом доложил командиру:

– Эти дятлы подловили помощницу, когда та выглядывала на задний двор, слаженным ударом вырвали ограничивающую цепочку и оглушили бабищу. Но и она успела оказать сопротивление, здоровенная тетка! От ее рук там один пингвин стонет с поломанными рёбрами. В сознание женщина уже пришла, дает показания и всё рвется на дальнейшую расправу с налетчиками.

– Ладно, останешься тогда здесь вместе со вторым расчетом, – стал распоряжаться начальник охраны, – дождетесь следственную бригаду и...

Но тут встающий на ноги принц его остановил:

– Педро, замни всё это дело! Нам еще только скандалов не хватало!

– Ну, так а-а-а... – немало поразился тот, указывая на пластырь и лежащих налетчиков.

– Время сейчас не то. Попугай их как следует, настучи по

почкам, ну не мне тебя учить... Только замни! – глянув на замершую с шаром гадалку, Фредерик криво улыбнулся: – И мадам не вините, она меня честно предупреждала, что лучше уйти, а я не поверил. Кстати, а в чём именно изменится моё предназначение?

Заданный хозяйке салона вопрос поняла лишь она одна, да только отвечать ей было нечего. Поэтому толстуха сразу несколькими способами показала незнание ответа: пожала плечами, замотала головой, цокнула пару раз с досадой языком.

– Ладно, сам разберусь, – решил его высочество, уже одетый в куртку, накидывая капюшон на голову и устремляясь к выходу. – Потом кого-нибудь пришлю... – бросил уже через плечо.

Он имел в виду оплату. Ибо сейчас заниматься этим шкурным вопросом было по всем понятиям нетактично и неуместно. На отчаянные мотания головы гадалки он внимания не обратил. Начальник охраны, отдав несколько кратких распоряжений остающимся в доме сотрудникам, устремился за объектом своей опеки, а никем не останавливаемая Маргарита-Иллона с запоздалым сопереживанием вспомнила о помощнице и поспешила к ней. Отыскала ту в дальней ванной, старательно вымывающей довольно пострадавшее и опухшее лицо, и бросилась помогать, с причитаниями:

– Мать Мария, святая заступница! Как же они тебя отделали! Больше чем принцу досталось!

Мощная представительница слабого пола только захихикала на такое сочувствие:

– Плевать! Только и жалею, что не успела кому-нибудь голову свернуть! Скоты пьяные! Забрали гадов?

– Нет, ещё в себя не пришли, в салоне валяются...

Помощница тут же оживилась, стала быстро вытираться полотенцем, приговаривая при этом:

– Ух, я их сейчас!..

– Постой! – встала у неё на пути гадалка. – Там и без нас разберутся! Да и клиент наш распорядился, чтобы дело замяли.

Казалось бы, от такой простоватой, воистину сельской женщины, как помощница, нельзя было ожидать рассудительности и верной оценки событий. Она всегда вела себя непосредственно, отрицала всякую деликатность и особо не заморачивалась последствиями. Но тут замерла на месте, подумала и согласно закивала:

– Верно... Ты-то ведь их опознала? А я их чуть ли не каждого знаю. По сути, там только два полных идиота, которые против монархии навозом кидаются. Остальные просто любители выпить и похулиганить. Таких только и надо что пугнуть основательно...

– Да так вроде и собираются сделать...

– А что с принцем? Неужели побили? – уже совсем иным тоном поглупевшей базарной торговки поинтересовалась ближайшая поверенная, подруга и защитница.

– Побили... – с каким-то сожалением вздохнула гадалка, переводя взгляд на шар, прижатый к животу. – Вон, даже кровь его осталась... Но вроде как и не сильно принцу перепало, больше крика и ругани получилось, чем того мордобоя...

– Хи-хи! Ты теперь шар-то свой не вздумай мыть, – рассмеялась помощница. – Как-никак голубая кровь! Если похвастаемся, можем легко цену за сеансы удвоить.

– Пута madre! Совсем припухла от зуботычин?! – возмутилась Марга. – Немедленно вытру и помою... – да от неожиданности осеклась, чуть не выпустив внезапно похолодевший шар. С минуту невразумительно мычала, плясая на него, пытаясь понять, что происходит, потом всё-таки сообразила и забормотала: – Хотя мыть и в самом деле не стоит... – Неприятный, покалывающий холод исчез. – Пусть остаётся как есть... – В одном месте ладонь ощутила тепло. – Похоже, что кровь если и не голубая по цвету, то всё равно несколько особенная...

После чего знак свыше, в виде тепла под ладонями, дал ясно понять: размышления более чем верны и своевременны. А обладательницы шара, словно в трансе, продолжила бормотать:

– ...Буду надеяться, что это мне как-то поможет... – Ещё чуть потеплело! – А может, и принцу как-то пригодится...

Вот тогда уже, впервые за всю историю собственных пророчеств Марги и преданий семейной старины, инструмента-

рий разогрелся весь, по всей площади! Это казалось гадалке невероятным мистическим знаком. Ко всему прочему, она не сидела за столом, не была расслабленна, а, наоборот, находилась до сих пор в состоянии стресса от недавних происшествий. Игнорировать такое событие или послушаться прекрасно понятого предназначения потомственная пророчица, вещунья и гадалка не смела даже краешком мысли. Священный трепет переполнил всё её существо, и в то же время голоса из салона и от чёрного входа вдруг навяли мистический ужас, и она, пятась к кладовке в глубине коридора, зашептала побелевшими губами:

– Надо немедленно спрятать шар! А то вдруг заберут как вещественное доказательство? Или какой идиот вздумает его протереть? Быстро! Помоги мне!..

Вместе со своей помощницей Марга устремила к оборудованному в самом неприглядном месте тайнику. Искушать судьбу не хотелось, да и вообще было бы страшным кощунством и несусветной глупостью сейчас потерять то, что давало осознание истинной Силы. В обозримом будущем, это уже и без всякого бормотания и ощупывания прекрасно понималось, надвигались существенные изменения, как в собственных возможностях, так и в раскрытии очень и очень многих тайн. Причём тайн не просто чужих людей или окружающего мира, но в первую очередь тайн своей собственной семьи. Вопросов к истории у Маргариты-Иллоны Толедской накопилось невероятно много.

Сцена 4

Как ни были мужчины измотаны болезненной пробежкой, но, пока они усаживались за стол и присматривались к разложенным блюдам, аппетит пробился у всех. И по первой прикидке отведённые на трапезу двадцать минут показались для всех смехотворно малым отрезком времени для насыщенного завтрака. Если это и в самом деле завтрак, а не какой-нибудь совмещённый с ужином обед.

Но что было не менее актуально, так это появившаяся первая возможность переговорить между собой и хоть чуточку разобраться в том, что вокруг происходит. Совсем окажется глупостью, если местные мучители запрещают разговаривать во время приёма пищи. Вот номер Второй, если судить по доставшейся ему коечке, первым начал разговор ещё на пути к столу:

– Господа, кто в курсе происходящего? Где это мы и с какой такой стати? – По возрасту он смотрелся старше всех, а уж когда говорил, то создавалось впечатление, словно он выступает перед депутатами парламента. Как потом выяснилось в результате сложных подсчётов и сопоставлений, он и в самом деле оказался стариком по сравнению с некоторыми, и по земным меркам ему до полувекового юбилея не хватало всего два года. Можно было только удивляться да завидовать его вполне сносным физическим кондициям, которые

позволили ему бежать наравне со всеми.

На его вопросы отозвался Пятый, наиболее угрюмый из всех и наиболее пострадавший от наказаний:

– Судя по тому, что говорим мы на ином языке, и даже ду-
маем на нём, с нами сотворили несусветную гадость. Впол-
не возможно, что воссоздали методом интенсивного клони-
рования. А то и вообще сделали посмертные копии. Для че-
го – только этот урод знает... – он кивнул подбородком в сто-
рону завтракающего за отдельным столом Эйро Сенатора, –
поэтому давайте быстро и кратко представимся, и каждый
пусть в двух словах опишет свои воспоминания «последней
минуты» *там*, дома.

Интенсивно жующий Шестой, который показал себя чуть
ли не лучше всех развитым физически, буркнул между за-
кидкой в рот очередного куска омлета с ветчиной:

– Советую хорошенько подкрепиться, господа, кажется,
нам и в самом деле это необходимо.

Несогласных с этим предположением не оказалось, да и
аппетит во время еды нарастал стремительно. Ну и понима-
лось, что недаром их сейчас потчуют такими роскошными
разносолами. Даже садист сержант предупредил, что следует
подкрепиться с запасом. Поэтому движение челюстей только
ускорилося, а чтобы пища проскакивала в желудки быстрее,
стали использовать для этого разнообразные напитки на лю-
бой вкус, стоящие в графинах, кувшинах и термосах.

Тем не менее каждый отыскал минутку или чуть меньше,

чтобы представиться и описать свои последние воспоминания *оттуда*. Услышанное повергло всех если не в шок, то уж точно в глубокую, депрессивную задумчивость.

Во-первых, все десять товарищей по несчастью оказались наследными принцами, готовыми занять высшие наследственные посты в своих государствах. Представлялся кто как: то ли просто принц, то ли с перечислением наиболее громких, уже имеющихся у него титулов. Вышло, что наиболее пышно и хвастливо получилось у Третьего, в империю которого входило чуть ли не тысяча государств, княжеств, баронств, царств и королевств в нескольких десятках планетарных систем. А скромнее всех – у Девятого, только титул и имя. Он так и назвался:

– Принц Джаяппа Шинде, наследный раджа Гвалиора. – А по поводу последних минут добавил: – Находился в древней усыпальнице своих предков, и в нашей местности началось землетрясение.

Фредерику что-то знакомое почудилось в названии государства, но и только. В тот момент он был поражен иными представлениями, а посему решил, что и похожий на индуса сосед – из той же внешнекосмической оперы, как и все.

Во-вторых: все они оказались не просто из иных миров, а, скорей всего, из разных галактик, если не из разных вселенных. Именно это шокировало землянина невероятно. Больше половины десятка назвало свои цивилизации невероятно технически развитыми и великими в своей космиче-

ской экспансии. На их фоне принц Фредерик Астаахарский почувствовал себя албанским пастухом из далекого горного аула. Ему даже неудобно было сказать, что он представитель ограниченной конституцией монархии, не имеющей особо никаких рычагов управления в маленькой стране одного из многочисленных государств планеты. Причем даже большие государства до сих пор толком не вышли в космос, и только парочку соотечественников принца русские да американские космонавты сообразовали прокатать по разу на орбиту Земли.

Землянин сильно растерялся, поняв, что он сейчас находится в компании представителей иных, невероятно развитых космических цивилизаций. Братья по разуму, внешне ничем не отличающиеся от привычных гомо сапиенс, вызывали уважительную дрожь только несколькими своими фразами, которыми они, перебрасываясь, попытались определить космические координаты своих родных миров по отношению к другим. Это удалось троим: Шестой и Восьмой знали об империи Третьего, которая называлась Эрлишан, и про космические конгломерации друг друга. А вот сам Третий, ведущий себя, пожалуй, спесивее всех остальных, вместе взятых, так и не смог припомнить наименования и точные координаты невероятно далеких и малоисследованных для его разума провинций.

Именно после этого определения координат возникло некоторое ощущение, что большинство присутствующих

обитают (а может, обитали?) в едином звездном скоплении. То есть в родной Галактике.

Ну и в-третьих, что было самым печальным, все десять мужчин догадались о том, что они *где-то там* все-таки погибли. Потому что последние воспоминания отдавали пессимизмом к собственной доле. У всех случилась некая неприятность, начиная от землетрясения или избиения, как было у Фредди, и кончая нечаянным утоплением в небольшом горном озере с теплыми термальными водами, где отдыхал со своими любовницами наиболее возрастной Второй. Высказанные предположения Пятого, скорей всего, оказались той самой печальной действительностью, которая была наиболее досадной.

Поэтому завтрак заканчивали в угрюмом, озлобленном молчании. Фантазия непроизвольно пыталась воспроизвести картинку пышных, но все равно неприятных собственных похорон, перечислялись несделанные дела и не воплощенные в жизнь проекты, упущенные или отложенные на потом пласты удовольствий. Конечно, каждый понимал, что в данный момент их родные, близкие и лучшие друзья крайне опечалены случившейся трагедией. А разлука навсегда с самыми любимыми, родными и желанными – подкосила морально всех без исключения. Как выяснилось, у каждого (кроме раджи) были дети, как минимум по двое. Больше всего наследников имел Восьмой: в свои сорок шесть у него было пятеро детей и семеро внуков. А тот же здоровяк, боец и

атлет Шестой рассказал, что детей у него восемь. Причём его отношение к детям просматривалось сразу: последние слова он сказал шёпотом, после чего мгновенно утратил аппетит и перестал есть.

Наверное, только принц с Земли попытался придать себе усилием воли хоть некоторую толику оптимизма:

«Сержант распинаясь, что нам дан невероятный шанс и великие возможности. А вдруг это означает, что нас когда-нибудь вернут по домам в целости и сохранности?..»

Но при этом вспоминались и другие слова, утверждавшие «Ваша задача... выжить!». Получалось, что здесь существует смерть, а возможно, что и гораздо большее, на этот раз уже полное забвение. Правда, тут же в голову полезли совсем иные, полные фатализма мысли:

«Если я там погиб после банального пролома головы о какой-то шар, то, может, и здесь не стоит напрягаться? Сразу помереть и даром не испытывать мучения? Ибо что-то меня совсем не тянет учиться «...убивать самыми изощрёнными способами». Не по мне...»

К сожалению, его мнения по этой теме никто не спрашивал, альтернативного выбора никто не предоставлял. Назвавшийся Эйро Сенатóром тип резко поднялся из-за своего стола. Он закончил вытираться белой салфеткой, уже начав движение, швырнул её в сторону тарелок и истерично заорал:

– Встать! На выход! Бегом! – заметив, что команда выполняется не всеми и не столь резво, добавил: – Да вы медлен-

ней слизняков двигаетесь! А потому трое последних у двери получают ускорение «единичками».

Высокородные принцы, тут же перейдя на бег, ломанулись к широкому дверному проёму, не хуже отлично вымуштрованных курсантов. Наверное, никому не хотелось получить обжигающий удар вдоль спины, да и воспоминания о ранее полученных наказаниях заставляли морщиться, а то и крикаться презрительно.

Вначале Фредди показалось, что рванули все, потому и он поспешил. Только в самом проходе он попытался оглянуться, чтобы рассмотреть трио несчастных, которые в очередной раз перенесут наказание. Но так и замер, вместе с несколькими тоже оглянувшимися. Мало того, и те, кто убежал вперёд, тут же вернулись, озадаченно заглядывая в столовую.

Потому что оттуда выбежали не все. Там остался Пятый вместе с Седьмым. Причём то ли экстрасенс, то ли гипнотизёр, а может, и шаман, уже пытавшийся перекинуть удар боли на всеобщего мучителя, вел себя крайне вызывающе. Похоже, не оставил своих попыток повторить задуманное. Только сейчас он привлёк к этому делу самого молодого сообщника, успев с ним как-то обменяться нужной информацией по теме своей задумки, и теперь пара саботажников стояла возле стола, спиной к спине и сцепившись локтями. Оба хмурились на сержанта с вызовом и были готовы ко всему. А тот, после издевательского смеха, притворно поразил-

ся:

– Надо же! Какие стойкие оловянные солдатики! Несломленные, гордые представители высшей знати! Носители голубой крови! Образец для подражания и полные... дебилы! Тупые мокрицы, до сих пор не понявшие, что избежать болевого наказания можно только одним способом: не получая его за плохие поступки. И что показательно: особо тупым личностям даже не надо выбирать, что хорошо, а что плохо. Только и следует, что скрупулёзно исполнять мои приказы и ни о чём больше не задумываться. Но вы двое, видимо, не хотите личного, невероятно глубокого счастья?

Вопрос был задан, можно было на него ответить, и довольно колко, но несломленные принцы ни слова не произнесли, поджидая, что будет дальше. Это было истолковано не в их пользу:

– За игнорирование моего вопроса и притворство, что его не слышали, – начисляется наказание, по «двоечке» каждому. А вот саботаж – это уже более страшная провинность, за неё полагается нечто более доходчивое, порой и на «пятёрочку» могу расщедриться. Вот только после неё вас обоих ваши товарищи будут на себе носить в течение четверти часа, сами вы двигаться не сможете. Но это я так, для всеобщей информации... – Он многозначительно посмотрел в сторону прохода, где столпились остальные. Мол, учитесь на ошибках других! После чего продолжил, потирая в предвкушении ладони: – А теперь считаем: «единички» – за послед-

ние места в колонне. «Двоечки» – за притворство глухоты. И по «четвёрочке» – за саботаж. И самое приятное, невероятно полезное для всех остальных – это факт объединения двух самонадеянных, капризных ослов в одну группу. Ибо сговор тут налицо. А значит, и пункты наказаний суммируются. Итого четырнадцать – намного больше десяти. Что для того же чувства локтя – шикарная возможность лучше подружиться в едином строю. Начинаем с маленького...

«Маленькое» – досталось паре протестантов, они чуть себе руки не выломали, когда почти привычное наказание стегануло их по спинам. Неизвестно, как Пятый пытался объединить усилия с коллегой, но опять ему не удалось отразить на всеобщего мучителя ни капельки боли.

Среди остальных свидетелей этой сцены хитрым оказался не только Фредерик, вместе с ним попытались банально сбежать с места событий и Третий со Вторым. Но что самому спесивому, что самому старому, что принцу с Земли – прыгнуть от наказания не удалось по причине вдруг ставшего вязким воздуха, который позволил продвинуться лишь на метр, полтора максимум. А потом всех товарищей по несчастью накрыло жёсткой конвульсией «двоечек».

Пока поднялись со стонами да стали осматриваться, повторно «двоечками» накрыло Седьмого с Пятым. И уж совсем неприятно было смотреть, как их выкручивало от наказания «четвёрочкой».

Тогда как покрытый шрамами садист посмеивался и при-

говаривал:

– Конечно, со временем вы поймёте, что даром потеряли сейчас ценнейшие минуты своего существования. Чем корчиться на полу да полировать собственными мордами камень, лучше изучать, тренироваться да приобретать навыки по уничтожению противника. Но раз уж тут собрались такие дебилоиды, ничего не поделаешь, наказания и потеря времени вам обеспечены!

Он глянул на общую группу, и его брови похвально дёрнулись: Первый вежливо, словно примерный школьник поднимал согнутую в локте левую руку.

– Разрешаю вопрос!

Ну обладатель бакенбард и выдал:

– Господин сержант, а когда нас и на каких условиях вернут домой?

Наверное, каждый отметил для себя этот момент, потому что запрет на произнесение даже слова не давал возможности с ходу заговорить логичной, казалось бы, фразой «Господин сержант, разрешите обратиться!». Ну и замерли, естественно, потому что вопрос выглядел более чем ёмким и своевременным. По сути, даже расплывчатый ответ на него мог дать массу подсказок на тему «Где я, что со мной и на что мне надеяться?».

Увы, подлый Сенатор не ответил никак. Сам спросил:

– Что символизируют твои бакенбарды?

– Власть. Никто, кроме императора и первого наследника,

не имеет права их отращивать.

– Вот и не умничай больше! Не то намажу твою харю специальной мазью, и у тебя даже ресницы до глубокой старости не вырастут!

– Есть не умничать, господин сержант! – вроде как роблепно рявкнул Первый. Но в его тоне чувствовалось некое удовлетворение. Наверное, он всё-таки понял, что возвращение каким-то мистическим способом осуществимо.

– Солдаты! – тут же рявкнул сержант, уже только этим обращением оскорбляя и унижая высокородных наследников высшей власти. – Хватайте своих наказанных товарищей, и за мной! Нечего им разлёживаться, время не ждёт!

После чего быстрым шагом устремился в коридор. Остальным пример подали Девятый, Шестой и всё тот же умник Первый. Они довольно резво бросились к вяло шевелящимся после наказания принцам, распределили остальных помощников по четверо вокруг каждого тела, и уже всеобщей кучкой бросились догонять ушедшего горлопана, которого неведомые до сих пор силы поставили командовать над десятком.

Догнали на выходе из здания во двор. Затем по команде пришлось бежать на Полигон, и только там пришедшие в себя полностью Пятый с Седьмым встали на ноги, с некоторым раздражением и смущением вырываясь из рук товарищей по несчастью. На этот раз Эйро повёл отделение куда-то влево, к некоему подобию турникетов, у которых выстраивают-

ся лошади в начале скачек. На каждой дверце имелся номер, так что не приходилось сомневаться, кто будет скакать и по какой дорожке.

Последовавшие пояснения не только подтвердили догадки мужчин, но и добавили озабоченности:

– Тестовые тоннели Полигона – одно из самых великих достижений разума. Они не только проверяют ваше физическое состояние, вашу силу, выносливость и сообразительность, но и оценивают состояние вашего духа, силу воли и также все моральные качества. Затем, соответственно, перестраиваются и поднимают нагрузки в нужном направлении. То есть здесь вы не только осматриваетесь и испытываетесь на прочность, но и эту самую прочность будете совершенствовать и повышать. Учитывайте, если вы будете отставать от выбранного для вас индивидуального графика прохождения, тут же будете взбадриваться уколами ос. Поэтому не вздумайте филонить или притворяться уставшими рохлями. Бегите вперёд, невзирая ни на какие преграды, убивайте голыми руками любого, кто встанет у вас на пути и попытается задержать. И не вздумайте миндальничать или отнестись с отвращением к пролитой крови. Чистоплюйство – не для вас! Итак: по местам! Начинать движение по моей команде! Ах, да, ещё один момент: после каждого определённого отрезка увидите белый цилиндр перехода в следующий сектор. Куда и запрыгиваете со всем проворством. В нём вас будут держать некоторое время, снимая параметрические и

прочие данные. Тогда и получаете короткий отдых. А заодно и подлечитесь... Хе-хе! После чего с новыми силами мчитесь дальше... Вперёд!

Плохие предчувствия шептали Фредерику, что ничего хорошего в тестовых тоннелях не ждёт, но и оставаться на месте, умирая от болевых наказаний, было бессмысленно. К тому же остальные его коллеги по несчастью довольно шустро налегли на туго открывающиеся двери и поспешили выполнить приказ. Чего уж тут землянину выделяться на их фоне и бунтовать? Вот и принц двинулся вперёд, сразу за дверью попытавшись приостановиться, осмотреться в мрачном, сыром и неприятно пахнущем проходе. Тот резко опускался вниз и уходил влево, освещаясь редкими, тускло горящими фонарями. Осыпающийся кирпич, опасно потрескавшийся, кое-где провисший свод, ядовитые миазмы разложения и весьма мерзостные по звуку рычания и хрипы. Нетрудно было догадаться, что крысы с локоть длиной – здесь самые милые и безобидные зверушки. Даже в школьные годы наследник всегда находился с телохранителями, а посему никогда раньше в прежней жизни не полез бы в такое подозрительно опасное место. Да и сейчас крепко задумался:

«А может, лучше вернуться?..»

Увы! Подумать ему и двух секунд не дали: невидимое ядовитое жало вонзилось в многострадальное место ниже спины, и при всём нежелании вообще шевелиться пришлось двинуться бегом. Ноги отозвались глухой болью, ведь мыш-

цы уже начали побаливать после неординарной «утренней зарядки», но оказалось, что лёгкая трусца не устраивает тестовый тоннель или того, кто за всем этим подсматривает. Второй укол заставил ускориться, а при первом непроизвольном замедлении последовало третье наказание.

Препятствие, возникшее после очередного изгиба прохода, показалось солидным: густая паутина и в её глубине застывший паук величиной с мужскую голову! Его лапы, длинной более метра, могли впечатлить самого шустрого и безбашенного солдата. А под рукой ни палки, ни куска арматуры! Даже камня порядочного под ногами не отыскалось, не то чтобы достойного огнемёта или хотя бы баллончика с дихлофосом. Любой растеряется... пока оса не ужалит! Пришлось вспоминать слова сержанта об убийстве голыми руками любого, кто помешает забегу-скачкам, и ринуться вперёд, с омерзением разрывая противную на ощупь паутину.

Несмотря на свои размеры, относительно малые по отношению к человеку, паук не стал прятаться в норку или убежать, а бросился в атаку. Его жёсткие хитиновые лапки не просто ударили по левой руке, а довольно сильно её исцарапали в двух местах, до крови. Наверное, на этих лапках было нечто ядовитое. Потому что оно, попав в кровь человека, моментально привело того в бешенство.левой рукой ухватив паука за лапу, принц подтащил тушку мерзостного существа к себе, и несколькими ударами правой, превратил противника в месиво, весьма напоминающее расквашенный

арбуз. После чего, уже благодаря повышенной интуиции пятой точки, предвидевшей очередной болезненный укол, бросился вперёд.

Теперь в голове прочно зависла мысль:

«Надо хоть что-то поискать вместо оружия!» – но кроме самой мысли, ничего ценного больше не встретилось. Разве что два обломка кирпича, которыми можно было бы запустить в следующего паука, с ходу его сбив с насеста и хоть как-то повредив при этом. К сожалению, действительность не желала подстраиваться под человека, скорее усложняла ему задачу. Вторым препятствием явились змеи. Огромный клубок извивался на земле, десяток свисал и шипел со свода, да в трещинах стен что-то мерзостное копошилось.

Большинство людей испытывает неприязнь к пресмыкающимся, а уж бояться их чуть ли не все. Разве что серпентологи к ним спокойно относятся, готовы с ними играть, а то и за пазухой носить. Фредди занимал позицию неприязни. Пауками он брезговал, ползучие гады одним только видом заставляли волосы вставать дыбом. Наверное, лишь отсутствие причёски на голове, набранная скорость да отсутствие времени на торможение позволили пробежать как по клубкам под ногами, так и отталкивая руками тех змей, которые свисали со свода. Чудом не поскользнулся и не запутался в копошащихся шлангах! Камни остались зажатыми в руках, бросаться ими не было ни малейшего смысла, но не по этой причине принц получил более десятка укусов по

всему телу. Скорей всего, обитатели гиблого места, банально возмутились бесцеремонным вторжением и пытались защищаться.

Ещё Фредди показалось, что пара гадов так на нём и повисла, уцепившись клыками, поэтому от страха ускорился, еле сдерживаясь, чтобы не заорать вслух:

«Меня укусили ядовитые змеи! Спасите!»

И с ходу влетел в глубокую, по колено, лужу из мерзостной, вонючей грязи. Хорошо, что не упал и что яма простиралась не более чем на пять метров. Два прыжка, и выбравшись на сравнительно сухое место принц попытался отряхнуться, как собака, и сбросить с себя вцепившихся пресмыкающихся. Как ни странно, ни одного пресмыкающегося не оказалось на теле. Зато, пока стоял, рассматривая себя со всех сторон и приглядываясь к укусам на руках, опять получил осиный укол в мягкое место. Вдобавок две громаднейшие крысы бросились к ногам. Грызуны явно атаковали, а ткань брюк вряд ли могла стать преградой для их устрашающих резцов.

Пришлось запустить в ход оба обломка кирпича и действовать ногами, проламывая грызунам-переросткам головы. Хорошо, что жёсткие, прочные берцы подходили для подобной стычки наилучшим образом. Мини-сражение осталось за человеком, он даже попытался расслабленно вздохнуть, когда из щели на уровне пола сплошным потоком полезли новые серые тени. Вот тут пришлось подналечь, по-

просту убегая и пытаясь оторваться от превосходящих численностью хвостатых тварей. Если бы серая масса накрыла принца, он бы уже никуда не убежал. И так понял, что повезло: прегради этот серый поток тоннель раньше, загрызли бы насмерть.

Паникующее сознание моментально подсказало:

«Какая разница! Если всё равно сейчас помру от змеиного яда в крови!»

Плохое, резко ухудшающееся самочувствие напрочь отвергло слабые чаяния на то, что покусавшие тело змеи не ядовиты. Поэтому некий белый цилиндр, преградивший путь, показался настоящим оазисом надежды. Тем более что створка со стороны Фредди была гостеприимно открыта, и, когда он заскочил внутрь, быстро закрылась. Сесть внутри было не на что, только получилось слегка упереться коленками да локтями в стенку и спиной откинуться на противоположную. Это показалось сродни блаженству.

«Недоделок со шрамами утверждал, что в этих белых гробах будут снимать параметры физических кондиций, а мы успеем отдохнуть... Долго ли? И успею ли я? С его солдафонским юмором обманет и не почешется...»

Цилиндр тем временем вздрогнул, загудел, стал вибрировать, прошла серия световых, кажется, даже разноцветных вспышек. Не иначе, как находящегося во внутренностях устройства человека не просто сканировали да исследовали, но и оказывали первую помощь: укусы и порезы резко защи-

пало, потом их сразу же накрыло онемением. Может, определённым излучением создавали противоядие? Потому что укулов не было и ничего попить не предложили. А могли бы...

Принц припомнил, как сержант настаивал на максимальном насыщении во время завтрака, но тогда кусок в горло не лез и пить не хотелось. Мало того, хоть подобное изрядно смущало, но появилась вполне резонная мысль:

«А ведь карманов у меня предостаточно, надо было в них хотя бы десяток мандаринок запихнуть. Сейчас бы съел парочку и жажда сразу исчезла... И плевать, что остальные принцы при этом на меня подумали бы... Сами небось жалуют... Правда, руки... по плечи в грязи... м-да, с мандаринками не побалуешься!...»

Больше времени на праздные раздумья неведомые мучители не дали, створка с другой стороны цилиндра гостеприимно распахнулась, предлагая выходить в царство сырости, грязи и прочих отвратительных неприятностей. Мелькнула мысль остаться и потянуть время, но натренированная на ощущение ос пятая точка стала сжиматься в преддверии невидимой боли. Пришлось выскакивать наружу и бегом отправляться дальше, навстречу тестовым испытаниям.

Если бы Фредди знал, что ему предстоит пройти на следующем прогоне, его бы из цилиндра и сотня ос не выгнала. Гипотетически, конечно.

Знакомые животные больше не появлялись. К тому же все

новые твари оказались крупнее, подвижнее и намного агрессивней, чем пауки со змеями или крысы. Радовало, что некое подручного материала, валяющегося под ногами, свисающего со стен и свода, оказалось предостаточно. Камни, куски бетона, арматура, обломки досок и даже несколько совершенно неуместных здесь деревянных поддонов, всё это в какой-то мере помогло остаться сравнительно целым, а скорей всего – выжить. Потому что, по логике, любой проходящий здесь человек обязан был погибнуть.

Принца спасло три вещи: чёткое осознание, что тоннель тестовый, а значит, сродни банальной компьютерной игре; чёткое воспоминание об оказанной помощи в первом белом цилиндре; и некая бесшабашность, вызванная недавними размышлениями:

«Ха! Всё равно хотел умереть! Так почему не повеселиться напоследок да не получить толику адреналина от приключений? Вряд ли кто из землян попадал в такие переплёты...»

Удачно вывороченная арматура с куском бетона на конце помогла справиться с неким подобием индюков, имеющих огромные клювы, как у туканов. Да и сами индюки были человеку по грудь. Острый обломок доски продырявил висок крокодилу, ходящему на задних лапах. Трудно пришлось во время преодоления первого болота, которым оказалась затоплена круглая зала метров десяти в диаметре. Там оказалась такая опасная гадость, как полуметровые пиявки. Замедлись принц в своём продвижении на глубине – уже не

смог бы выйти на сухое пространство. И так ему долго пришлось отрывать от себя прилипал-кровососов с кусками собственной кожи. Причём делать это на ходу, буквально кромсая на части скользкие тушки своим импровизированным оружием.

В следующий раз ему повезло. Заметив поддоны, подхватил один из них и волок его метров сорок, догадавшись о предназначении этого неуместного предмета. Так что второе болото он пересёк феноменально быстро, закинув поддон в самое опасное место цепочки из кочек и на диво удачно промчавшись по ним на максимальной скорости. На том берегу принц от радости судорожно вздохнул, когда рассмотрел, что в черной жиже плавало и щёлкало утинообразными пастями: такие мокрицы длиной в ладонь, напоминающие стаю пираний. Десяток укусов, и пострадавший человек далеко не ушёл бы.

Затем пришлось обходить выводок кабанов, которые не просто пытались порвать торчащими, как бивни, клыками, но ещё и стреляли иглами со спины не хуже разъярённых дикобразов. Одну иглу удалось выдернуть из тела, вторая обломалась, а оставшийся обломок спровоцировал растущую опухоль и жутко раздражающее жжение. В одной из следующих пещер, в которой был воссоздан участок джунглей, принца атаковали птицы сразу нескольких видов. Хорошо, что спасла арматура с куском бетона и добротная палка, иначе одним разорванным ухом и десятком царапин на стриже-

ной лысине не отделался бы.

В финале второго этапа пришлось руками задушить в жестокой драке не кого иного, как йети. Мохнатого, заросшего с ног до головы снежного человека с клыками в палец длинной и тремя рожками во лбу. Рожки чуть не лишили Фредерика зрения, а клыки знатно покровсали шею и левое предплечье. Единственное оружие было утеряно, а сзади доносилось новое рычание «А-ля Тарзан!». Поэтому появление за следующим поворотом белого цилиндра было воспринято со счастливым, пусть и непроизвольным всхлипом.

«Ничего себе у них тут тесты! – возмущался землянин, протискиваясь мимо створки и зажимая ладонью сильно кровоточащую рану на шее. – Так недолго и лапы склеить! Или всё это мне снится? Точнее говоря, всё вокруг нереально? А я нахожусь в каком-нибудь исследовательском саркофаге? Но как больно, дьявол их всех затопчи! Какой извращенец и садист подобные тесты выдумал?..»

К счастью, с него не только снимали какие-то параметры, но ещё и подлечивали. Рана на предплечье (наверное, и шее тоже) заросла, оставляя розовый шрам, обломок иглы исчез, опухоль стала уменьшаться, неприятное жжение прошло, да и оторванные пиявками кусочки кожи заменились вполне приемлемой заживающей корочкой. Словно после повреждения прошло дня два.

Жалко, что от грязи очистить не спешили, хотя обычное ведро чистой, пусть даже и холодной воды, вылитое на голо-

ву, было бы воспринято как благо.

А вот ощущение голода резко усилилось, жажда утроилась и усталость не исчезала. Не успел человек повздыхать по этому поводу, как его вновь отправили дальше по пешему маршруту. И вновь наградили уколом боли за слишком неспешное продвижение. Пришлось перейти на более интенсивный бег, уже на скорости приближаясь к новым испытаниям. Что нервировало, так это отсутствие на третьем этапе подручного материала, который можно использовать вместо оружия. В проходимом тоннеле рос только кустарник, высотой чуть выше пояса, с пожелтевшими, словно осенью, листьями. И ни единого булыжника или камня под ногами.

Остро пожалев, что не догадался подобрать арматуру после жестокой драки с йети, Фредди тем не менее вспомнил о возможных агрессивных птицах и решил хоть от этой напасти, пусть и частично, но обезопаситься. Поэтому рухнул всем телом на один из кустов, вывернул его из грунта и, ругаясь вслух от очередного укола осы, побежал дальше. На ходу выломал два самых толстых прутика из общего снопа и отделил их от неожиданно прочно сидящих листочков. Мелочь вроде и никак на оружие не похоже, зато некая дополнительная уверенность появилась.

К сожалению, уверенность оказалась не совсем уместной, когда начали попадаться истинные чудовища на пути. Причём стали закрадываться в голову мысли, что чудовища если и не разумные, то однозначно с проблесками разумности. Уж

слишком они умно, расчётливо действовали. Агрессивность и повадки выдавали в них хищников, а попытки проводить некие приёмы единоборства – давали неприятную подсказку о разумности тварей.

Вначале пришлось сразиться с осклизлой, воняющей плесенью рептилией. Прямоходящая, под два метра высотой особь бросилась на человека из-за угла тоннеля, словно сидела в засаде, и Фредерик скорее чисто машинально стегнул тварь по морде одним из прутков. Получилось довольно удачно: прямо по огромному, выпуклому глазу. Рептилия дико завизжала, раскрывая свой небольшой рот с мелкими, но неуместно многочисленными зубами, её длинные, лягушачьи лапы устремились к шее принца с дёргаными конвульсиями. Этого хватило, чтобы самому справиться с омерзением, удачно захватить монстра за неожиданно вёрткую, упругую шею, а потом приложить противника головой о ближайший угол тоннеля. Проломленный череп и брызнувшая оттуда чёрная, словно болотная жижа, кровь вызвали рвотные позывы, и Фредди стал на четвереньках отползать в сторону. И наверное, хорошо, что весьма своевременный укол боли напомнил: надо двигаться даже после таких скоротечных и неприятных поединков.

Хоть и был шанс получить новую порцию наказания, тестируемый всё равно вернулся, отыскал свои прутки и только потом бросился дальше. И это во втором случае оказалось чуть ли не решающим фактором. Потому что попался

монстр более массивный и гораздо более опасный во всех отношениях. Этакая гусеница в виде лошади, но с ногами-лапами скорее из гибрида кенгуру и человека. Ко всему прочему, у этой гадости имелись кожистые, атрофированные крылья, которые могли считаться продолжением лап с длинными тонкими пальцами, и пара лапок-отростков, торчащих из грудного сегмента. Голова на подвижной шее гусеницы поражала троекратно большими по сравнению с человеческими глазами и воистину гигантским, страшно уродливым носом-клювом.

Тварь прыгнула на человека со скалы, и в прыжке помогала себе правильнее спланировать на цель широко расставленными крыльями. Принц метнулся в сторону, переворотом по земле ушёл от первой атаки. И успел заметить, что его банально пытались пришибить ударом клюва. Далее противник только так и поступал, скорее пугая расставленными крыльями и не используя передние лапы-ноги, держащие основную нагрузку тела. Грудные отростки тоже оказались не приспособлены для боя, слишком слабоваты, чтобы ими драться.

Прочные прутьягодились как нельзя кстати. Стегая ими безостановочно, Фредерик не только остановил атаку, но и сам стал продвигаться вперёд. Тварь попыталась защитить свои глаза крыльями, но это мешало ей вовремя реагировать на движения человека и контратаковать клювом. Да и прутки эффективно повредили оба глаза, один лопнул,

вытекая из глазницы, а второй покрылся красными разводами трещин и царапин. От боли чудовище взрыкивало и шипело, а потом перешло на истошное, волчье вытьё. Причём настолько противное и переворачивающее душу, что принц в отчаянном рывке бросился на тварь, ухватил за твердый на ощупь клюв двумя руками и не просто попытался его крутануть, а ещё и провернуть на триста шестьдесят градусов. Хруст позвонков, вой – переходящий в писк, конвульсии и тускнеющий взор последнего, исполосованного ударами прутков глаза.

И вот тогда землянин увидел серьгу. Ухо монстра было вполне обычным, почти человеческим и на его окровавленной мочке висело довольно дорогое на вид и вполне симпатичное по дизайну украшение. Оно было одно и именно в левом ухе. Подобные серёжки земные женщины используют ежедневно. Тем не менее в классификации этого предмета нельзя было ошибиться: серьга.

Сознание не заблуждалось, а вот подсознание засомневалось, и прежде чем встать с остывающей туши, Фредди решил дотронуться до украшения рукой.

«Вдруг это мираж? И тестовая программа некоторые детали создаёт чисто иллюзорно? Ух, ты! Настоящая!...»

В этот момент был нанесён очередной «пендель» землянину, напоминающий, что останавливаться, даже для рассмотрения поверженных противников – нельзя. Всё тело непроизвольно дёрнулось, пальцы ткнулись в ухо чудовища,

и серьга осталась в ладони. То ли крепление сломалось, то ли украшение держалось в пострадавшей мочке на тоненьком кусочке кожи.

Пришлось вскакивать, зажимая трофей в кулаке и лихорадочно отыскивать хоть один из так пригодившихся прутков. Два использованных остались далеко сзади, по ходу продвижения, а повторный укол выбил любые мысли о дальнейшем поиске.

«Ничего, сейчас выломаю ещё!» – решил принц, срываясь на бег и пряча трофей в один из небольших карманов рубашки, закрывающийся клапаном с липучкой. Затем кинулся всем телом на очередной куст, выворотил его с корнем и, вновь устремившись вперёд, попытался на ходу изготовить самое примитивное оружие.

Увы, на этот раз не успел. Очередной монстр шёл навстречу по сужившемуся тестовому тоннелю. Этот выглядел как исхудавший медведь, идущий на задних лапах, и ростом вряд ли доставал принцу до подбородка. При близком контакте стало понятно, что он не худой медведь, а сильно стриженный, или просто у него был такой короткий мех. На длинных конечностях когтей не оказалось, зато шесть пальцев, хоть и покрытые кое-где облезлым мехом, отлично складывались в кулаки. Именно этими кулаками рычащая от злости тварь пыталась боксировать. Не бить с широкого замаха, не тыкать, не отмахиваться, а именно боксировать!

«Что только для теста не придумают!» – взбеленился Фре-

дерик, получив несколько сильнейших ударов по лицу и переходя в стойку. Потом пришлось, закрывшись локтями и ладонями, на короткое время уйти в глухую оборону. Через полминуты противник заметно выдохся, уже не рычал, а скорей хрипел от перенапряжения. Тогда принц, как довольно опытный боксёр, сохранивший силы, сам перешёл в контратаку. Работая и в корпус, и в голову «медведя», он окончательно сбил тому дыхание, а потом двумя боковыми ударами в зубастую челюсть отправил нападавшего в нокаут.

Простаивать над телом и рассматривать его – даже не подумал. Филейная часть и так болела невероятно, словно туда свелись все нервные, причём оголённые и воспалённые окончания. Принц просто перешагнул преграду в виде поверженного противника, побежав дальше. И чуть не вскрикнул от радости, когда увидел очередной белый цилиндр.

После этого был ещё один этап, самый длинный, самый многочисленный на мелкие преграды и самый отупляющий. Там уже крупные монстры не встречались, как и смертельно опасные, могущие попросту высосать кровь, но тем не менее иных зверушек хватало. Иначе их, как одним словом «гадость зубастая», и назвать было нельзя. Благо что подручных предметов на пути встречалось более чем предостаточно, и подобие дубинки да упругая арматура помогли со всеми справиться без фатальных для себя укусов, переломов или сотрясения мозга. Всё-таки спортивная молодость и постоянная поддержка формы сказались. Да и сознание, счи-

тавшее всё это не иначе как виртуальной игрой, помогало расслабиться и выдержать непосильный в ином случае темп.

Не пришлось заморачиваться и с поиском туалетов. Никогда ранее принцу не приходилось облегчаться в таких неприятных условиях, но в данных обстоятельствах выбирать не приходилось, мочевого пузыря дороже соблюдения каких-то оскорблений правил цивилизации. Тем более что те три раза, когда он останавливался по нужде, его никто не подгонял и подлые осы не свирепствовали.

Где-то в конце пути пришлось пройти несколько странный тест. В небольшом тоннельном расширении дорогу преградила рычащая, роняющая слюну с оскаленной пасти собака. По сути, животное такой величины не составило бы труда прибить ударом прутка, а то и ботинка, но землянин не стал форсировать собственную атаку. Принял резко влево и там проскочил между торчащим из земли камнем и стеной. Как ни странно, собака за ним следом не бросилась, а он, оглянувшись назад, увидел в небольшом углублении изо мха некое подобие лёжки, в которой виднелись головы нескольких щенков.

Ерунда полная, но некое удовлетворение в сознании проскочило. Мол, пусть живёт. Как-никак – собака друг человека. Хотя по большому счёту Фредди не особо жаловал котов с собаками в быту, возле человека. Считал, что они должны жить на природе, в полной свободе и гармонии с естественным, а не ютиться в «скотских» условиях рядом с человеком.

После этого только и пришлось проскочить, преодолеть несколько препятствий и добраться до последнего белого цилиндра. Почему последнего? Да по причине совершенно иного сияния за последней створкой. Ну и не лечили здесь совершенно, не давали прохлаждаться в отдыхе (так показалось!). Только сняли нужные параметры с тела, зачем-то потрясли его с минуту, да и выпустили наружу.

Сцена 5

Снаружи оказалась внушительная, ярко освещённая пещера, линия с десятком номеров вдоль неё, и, конечно же, злобно посматривающий на вываливающихся солдат Эйро Сенатор. Несколько удивлял факт, что все выбрались из цилиндров чуть ли не одновременно. Интервал между прошедшими тесты мужчинами составил не более минуты. Но задуматься на эту тему было некогда. Опять крик на самых высоких нотах:

– Построиться в шеренгу! Быстрее! По своим номерам! Оправиться! Что за мерзкий вид? Вижу, что даже считать не все толком умеют! А уж до чего грязные и мерзкие у вас рожи, остолопы! Вы бы только на себя посмотрели со стороны! Ха-ха-ха! Уроды!

Увидеть каждому самого себя в лицо не получалось, зеркала отсутствовали, но, глядя друг на друга, и в самом деле хотелось рассмеяться. Если бы не было так грустно, больно, печально и... голодно. Неизвестно, как у остальных, но Фредерика терзало такое чувство, словно он не ел суток двое, а не пил – все пять. Настолько в горле пересохло от жажды и настолько громко урчал пустой желудок.

Подобные трудности были у всех. Он это понял по измученным лицам остальных принцев и по их попыткам хоть как-то смочить языком пересохшие губы. Получалось, что

тестовые тоннели не только обескровливали свои жертвы, но и все жизненные соки из них вытягивали.

А тут ещё и мучитель, прохаживаясь вдоль строя, кричал прямо в лицо различные оскорбления, да ещё и насмехался при этом:

– Первый! А ведь тебе перекрашенные в глинистый цвет бакенбарды очень идут! Стоять, не двигаться! Команда оправиться была раньше! А ты, старый пердун, чего дышишь, словно на тебе кто-то катался? – Второй попытался что-то вякнуть в ответ, да успел только рот открыть. – Молчать! На риторические вопросы отвечать не следует! О! А вот и наш непослушный недоделок. – Он притормозил возле Третьего. – Вижу, что тебя в твоей империи совсем народ разбаловал, ни разу достойную революцию не устроил, чтобы тебе пришлось по подвалам прятаться да от пауков отмахиваться. И сопли подотри! Урод...!

Четвёртого он назвал молокососом, который и комара без нянек на собственной щеке не прихлопнет. Молодой парень и не попытался оспорить такое обидное утверждение, выглядел он хуже всех, форма свисала с него ключьями, открывая посиневшее, исцарапанное тело. Хотя само тело просматривалось отменными спортивными формами.

На Пятого полетели обидные, вульгарные словечки: «экстрасенс недоделанный – на горшке сделанный!», «да такого колдуна – все имели с бодуна!» и «наш штатный садомазохист-неудачник». Похоже, самому озлобленному принцу,

мнящему себя колдуном, и в тестовых тоннелях не удалось избавиться от насылаемой на него боли.

Досталось и Шестому унижений, несмотря на его отменную физическую подготовку и несомненно все пробивающую, сокрушительную мощь. Сержант его обозвал тупым, примитивным, наивным слюнтяем, который толком не разбирается в обстановке и только умеет, что бегать со штангой по горам да кормить своим безразмерным телом голодных птичек. Похоже, самому сильному воину в десятке не хватало капельки цинизма, моральной стойкости да более чёткого осознания действительности.

На Седьмого, самого юного из всех, Эйро и времени терять не стал. Только с досадой махнул рукой, выдавая приговор: «Тряпка и бездарь!» Хотя недавние события в столовой, когда Седьмой попытался помочь Пятому в отражении болевой атаки, – вызывали к парню определённое уважение. Видимо, некий стальной стержень в характере имелся, только в остальном он никак не соответствовал необходимым критериям проведённых тестов.

Восьмой был обозван «старым перделем номер два!», которому больше ничего не остаётся, как сидеть на мягкой травке да нянчить сопливых внуков. Мол, всё равно больше никакого толка не будет, так и отдаст концы от преждевременно наступившей старости. Ну разве что успеет дать заработать скульпторам, чтобы те наклепали как можно больше статуй с его никчемной фигуры.

Девятому был задан вопрос:

– Придурок, тебе нравится уступать и быть побеждённым?

– Нет, господин сержант! – ответил индус и быстро продолжил: – Когда обстоятельства против меня, я стараюсь не расходовать силы даром.

– Оп-па! Да ты обезбашенный демагог, оказывается! Поэтому так и издохнешь: полный сил и чувства собственного самоудовлетворения! Но учти, твоя смерть – это и возможная гибель твоих товарищей. Так что придётся тебе научиться сражаться до самой последней капельки собственного упорства, идти до последнего шага, а перед тем как упасть, сделать ещё один шаг. Что тебе требуется – так это пересмотреть свои дурацкие, вбитые тебе с детства извращенные понятия духовности. Ничего... мы ещё за тебя поборемся!

Затем шагнул вправо и замер, с кривой ухмылкой рассматривая Фредерика Астаахарского. Так и казалось, что сейчас он осыплет последнего в строю принца потоком грязных оскорблений или низменных инсинуаций. Землянин даже дышать перестал, настраиваясь на самое худшее и мысленно прикидывая, как бы ему заехать противному сержанту в скулу.

«Вряд ли успею... хотя стоит очень близко! – думал он. – Но если успею, можно будет и вытерпеть наказание «троечка». Удовольствие вырубить этого козла – того стоит!...»

И тут случилось недоразумение, сродни чуду. Горлопан,

ни слова не сказав, повернулся и двинулся к середине строя. Чему удивились, без сомнения, буквально все. Даже Перво-му нанесли оскорбление, высмеяв его испачканные в глине бакенбарды, пусть и не ругая при этом. А вот Десятому ни слова не сказать? Это к чему? К худу или к добру?

Сержант, сложив руки за спиной, пустился опять в фило-софствования:

– Уже раз вам говорил на эту тему, но повторюсь, пусть и другими словами. Вбейте себе в сознание: нет ничего важнее в нашем мире – чем упорство! И это – аксиома. Например, талант не может считаться наивысшим благом, ибо мир полон талантливых неудачников. Гений – тоже не сможет: непризнанный гений – это уже как пословица. Образование само по себе тоже не сможет занять первое место, ибо мир полон образованных изгоев. Только упорство и целеустремленность всемогущи.

В пошатывающемся от усталости строю поднялась одна рука. Эйро чуточку подумал, презрительно фыркнул, но всё-таки разрешил:

– Что тебя так заинтересовало, Пятый?

– По вашим словам, господин сержант, упорство решает всё. Значит, я теперь могу быть уверен, что, в конце концов, добьюсь желаемого и уничтожу одного мерзкого типа, которого ненавижу?

– Несомненно! – воскликнул тот излишне радостно, хотя прекрасно понимал, в адрес кого строптивый солдат произ-

носит угрозу. – Целеустремлённость в таком деле – основополагающий фактор. Но всегда следует правильно расставлять акценты своих желаний, ибо упрямство или месть не должны омрачать итог великих свершений. Они в том финале неуместны. Вот тебе, к примеру, что важней: стать великим любимцем своего народа или сгубить свою жизнь в попытках мщения одному человеку?

– А я и так, господин сержант, лидер своего государства... – похоже, Пятый собирался добавить слово «был», но запнулся и замолк. Тогда как ему последовал очередной вопрос:

– И ты уверен в любви и уважении своего народа?

– Для наследного принца – это необязательно!

– Ну да... вот потому ты и все твои товарищи – здесь, – не совсем понятно пробормотал Эйро и уже отчётливо, громко продолжил: – Потому что истинные лидеры – это не те, кто занимает высокие посты или имеет власть, в том числе и наследственную, а те, кто владеет сердцами и умами людей безраздельно.

Сразу четыре руки поднялось, да и остальные принцы ухватили основную суть оговорки своего мучителя. Эйро Сенатор посмотрел вверх строя, словно там были часы или какая иная подсказка, но всё-таки разрешил:

– Шестой, только один вопрос и короткий.

– Господин сержант, – стал подбирать слова здоровяк. – Мы наказаны нахождением здесь из-за наших ошибок,

чёрствости и упущений?

– Не только по этим причинам. И не только наказаны. А сейчас... переодеваться! За мной! – рявкнул сержант, срываясь на бег. Подчинённые втянулись за ним в тоннель, с одной стороны которого виднелись двери с номерами от единицы до десяти. – По номерам, в свою каморку, меняем вещи! Три минуты! Время пошло. Кто опоздает – пусть не сомневается в неизбежности наказания.

Каждый ринулся за свою дверь, на ходу срывая с себя обрывки одежды. А оказавшись в небольшой каморке, никто не удивился. Внутри имелся только выступ в стене, на котором стопкой находилась уложенная форма. Кое-кто пытался позвать соседей, но полная звукоизоляция не позволяла услышать друг друга, а банально перестукиваться было глупо и чревато последствиями.

Фредерик переоделся довольно быстро и уже собрался открывать дверь, как вспомнил о трофейной сереге.

«Наверное, ещё в белом цилиндре растворилась... – думал он, быстро расстегивая карман снятой рубахи и пытаясь нащупать в нём диковинное украшение. – Оп-па! Есть! Хоть и странно, но тем не менее...»

Переложив предмет в карман новой рубашки, успел выскочить до наказания, зависшего над оголёнными нервами сознания. Тотчас послышалась новая команда со стороны командира:

– В столовую, бегом, марш! – и Эйро легко побежал ря-

дом с неровным строем, выкрикивая на ходу: – На обед – полчаса. В данный момент тоже постарайтесь подкрепиться как можно основательней.

В коридоре, прямо в движении, принцев идеально почистили, помыли и выстирали. Форма если и успела запахаться о замазюканное тело, вновь стала чистенькой и свежей, а вся налипшая в тестовых тоннелях грязь, казавшаяся несмываемой, словно испарилась под дуновением очистных излучений. Отсутствие причёсок на головах освобождало о заботе про них.

Только усталость, боль в мышцах и ломота в суставах никуда не делись. Все так и двигались, подволакивая ноги и не в силах выпрямить согбенные спины. Что немного удивляло их высочества, так весьма интересный факт: несколько, а уж вдвое из них точно, показали себя в физическом плане чуть ли не ровней с Эйро Сенатóром. Но сейчас и они выглядели, как неумёхи-новобранцы после полосы препятствий, и на их фоне сержант смотрелся как огурчик.

«Ну да, он ведь с нами не бегал! – скрипел Фредерик зубами от злости. – Наверное, прохлаждался где-нибудь с какой-нибудь... стоп! – даже самому подобные мысли показались неуместными: – Чего это я? Откуда тут взяться женщинам? О-о-ох! Как же там моя-то?!.. И дочурки?!..» – воспоминания о жене и детях окончательно испортили настроение, и на очередное, невероятное изобилие пищи принц с Земли отреагировал скорее печально, чем с воодушевле-

нием:

«А кормят-то как на убой! К чему бы это?»

Мало того, изменилась и меблировка. Теперь больших столов не было, зато прибавилось круглых, как оказалось, персональных. На каждом стояла табличка с номером и один стул рядом. Пришлось рассаживаться по местам, присматриваясь, чем кормят здесь и почему индивидуально. Разница в поданных блюдах, в их количестве и разнообразии – просматривалась однозначно.

На ум приходило, что либо это следствия тестов, либо у каждого принца свой особенный, присущий только его цивилизации метаболизм. Правда, последнее предположение опровергалось наличием на столе таких угощений, которые тому же Фредди совершенно не были знакомы. Он долго размышлять не стал, а набросился на проверенные желудком яства. Ну и сразу же припомнил, как он голодал во время прохождения тестовых тоннелей. Повторных ощущений не хотелось, и он стал присматриваться к вазам и тарелкам, прикидывая, чем бы таким некрупным запастись для следующих испытаний. Почему-то малейшего сомнения не вызвал тот факт, что их будут истязать непонятной службой как минимум до заката. Пусть заката и чисто гипотетического, потому как никакого светила до сих пор над Полигоном замечено не было. Всё то же самое пространство, сумрачное, пугающее скопищем невообразимого мрака и клубящегося света над головой. Часы тоже нигде не наблюдались, а пер-

сональные, наверное, забыли выдать.

Фредерик старался съесть много, но при этом не подавиться, посматривая на своих соседей. Первым делом на сержанта, который опять расположился за своим столом в самом углу столовой. Он хоть и сидел лицом ко всем, но не обращал ни малейшего внимания на сотрапезников. Ел мало, но с явным удовольствием смакуя каждую порцию. Не иначе как был гурман, что при воспоминании о его грубости, цинизме и вульгарности в выражениях вызывало резкое отчуждение и недоверие.

Все остальные ели, посматривая по сторонам и явно намереваясь продолжить знакомство хотя бы с теми, кто сидит ближе. Ведь запрета на разговор в течение обеда не было, да и во время завтрака успели друг другу представиться.

Ближе всего находился Девятый, и тема вроде как имелась актуальная и важная. Следовало выяснить, насколько были сходны пройденные тоннели. Только вот, как назло, Фредди запомнил имя своего товарища по несчастью, да и никого из остальных практически не запомнил. Потому и обратился, как было положено по местному «уставу»:

– Девятый! Что у тебя было на первом этапе? У меня...

И сам быстро перечислил своих пауков да змей. Индус всё понял и тоже стал перечислять, потом перейдя на второй этап. Так они прошли по очереди всю цепочку своих злоключений, и стали видны различия. На треть – некоторые чудища и их последовательность и сам окружающий пейзаж

разнились. Так же совсем по-иному состоялись схватки с самыми крупными монстрами. Например, от той же гусеницы с клювом Девятый попросту умудрился сбежать, а существо-рептилию – скорее убил по случайности. С медведем-боксёром его вообще тоннель не свёл, зато пришлось отчаянно убегать по одной из пещер от самого натурального быка.

В финале лаконичных переговоров сосед улыбнулся:

– Ты, наверное, забыл, как меня зовут?

– Э-э-э... да как-то оно всё... – замялся представитель Испании.

– Да я всё понимаю, Фредерик, сам из остальных никого не помню, – последовало признание, – меня зовут Джаяппа. Но можешь звать меня кратко: Джая.

– Договорились. А меня зови Фредди, это тоже сокращённо.

– Знаю, и такое имя слышал, – кивнул смуглый сосед и следующим предложением огорошил: – И вообще мы знакомы, руки друг другу пожимали.

Принц выронил вилку, с недоумением уставившись на раджу. Несколько раз сильно сморгнул и только потом стал уточнять:

– А ты разве с... Земли?

– Естественно! – теперь рассмеялся Девятый. – По сути, я наследный принц Гвалиора, территориального объединения в Индии, которое только и значится на бумаге. Власти у нас

давно уже нет никакой, разве что мои родственники суются в политику, где надо и где не надо. Считаюсь наследником только титула, не более... А виделись мы, когда ты однажды приезжал в Дели.

– А-а-а... помню! И нечто у меня кольнуло в памяти, когда ты представлялся, но я так и не связал подсознание с действительностью...

– Бывает. Так что нас здесь двое с одной планеты, с одной системы и уж точно с одной Галактики.

– А почему именно мы? – недоумевал Фредерик Астаахарский. – Вроде как наследников у нас – пруд пруди... Ах да! Нас же там, скорей всего, убили...

Индус тоже не мог понять смысл происходящего:

– Между нами – огромная разница, иной менталитет, иное воспитание, можно сказать, иные личные вселенные, ни в чем не соприкасающиеся...

Его земляк, косясь в угол с сержантом, предположил:

– Может, так со всеми принцами, которые погибли, происходит?

– Да не похоже, – сомневался раджа. – Тут что-то другое... жаль, мало информации... и неизвестно, как долго здесь продержат...

– Судя по тому, как нас «ломают» и пытаются добиться полного послушания, то долго, – решил Десятый. – Ради одного дня, или даже недели, над нами такого урода командовать не поставили бы. О! Заканчивает обедать! – заметил он

действия сержанта и прикидывая прошедшее время. – Надо чем-то запастись для следующих пертурбаций...

Фредерик стал лихорадочно прятать по карманам небольшие по размеру фрукты, печенье и некоторое количество нарезного мяса, переложенного хлебом.

Джаяппа смотрел на него с удивлением и с сомнением:

– Ты думаешь?..

– Уверен! Как вспомню дикий голод во время отдыха в цилиндрах – сразу хочется плевать на любые правила приличия.

Сосед тоже занервничал, вспоминая свои собственные терзания, а потом, согласно кивая, произнёс:

– Ну да... Здесь по щелчку пальца слуги не принесут... – затем стал и сам запасаться, воровато оглядываясь по сторонам. – О! А Восьмой со Вторым тоже не дураки! Гляди, как нагребают!

Фредерик уже рот открыл, чтобы сказать: «Возраст даёт не только опыт, но и умение предвидения!», как вспомнил, что он замыкает троицу самых «древних» в десятке, и благо-разумно промолчал. Как-то не хотелось, чтобы даже в шутку его кто-то назвал старым «осквернителем воздуха». Ну и старался напоследок не только набрать про запас, но и силком в себя впихнуть ещё какое-то количество пищи и питья. Даже не постеснялся ухватить солидный кусок мяса уже после того, как последовала команда «На выход!».

Вид остальных принцев, которые тоже жевали на ходу, не

только порадовал, но и успокоил.

«Все мы одинаковые! Ну разве что самый спесивый Третий морду держит кирпичом... Как же, наследник звёздной империи! Мм! Неужели она и в самом деле существует?!»

Опять короткое построение во дворе и краткая речь сержанта. Правда, казалось, что он излишне хмурится и кричится, но по поводу жующих в строю солдат и насчёт оттопыривающихся карманов не сказал ни словечка.

– Итак, ослы бесхвостые, ваше обучение начинается! Сейчас отправимся к месту вашей основной физической муштры, там вы должны смотреть в оба и запоминать каждое моё слово. Потому что повторно будете проходить дистанцию уже без моих команд, подсказок и советов. Надеюсь всё понятно! Или есть вопросы?

Вопросов, конечно, хватало, и каждый стал продумывать наиболее важное и емкое. Как тут влез совсем не в тему Третий:

– Господин сержант, – выдавил он из себя с явным усилием. – А где здесь мужская комната и когда её можно будет посетить?

Эйро нервно хохотнул и только потом начал отвечать:

– М-да! Сразу было заметно, Третий, что ты идиот, но чтобы настолько?! Дебил! И тем не менее я отвечу на твоих *два* вопроса, которыми ты исчерпал весь послеобеденный лимит вашего десятка. Мужской комнаты здесь нет. Есть нормальный, солдатский сортир возле казармы, который вы по-

том посетите. Все остальные потребности вашего организма можете удовлетворять прямо на месте прохождения тестов, обучения и тренировок. Если кто желает посетить сортир до утренней зарядки, может вставать тихонечко до подъёма и тужиться там, сколько ему пожелается.

Сурово прозвучало, вульгарно и цинично. Тем более что для обладателей «голубой» крови подобное ограничение считалось ну совсем несуразным. Поэтому загрустил не только наследник звёздной империи, но и все его более простые по рангам коллеги.

К тому же им впервые было официально (пусть и косвенно) заявлено: вы здесь, братцы-кролики, надолго влипли! Привыкайте!

Жить, конечно, хорошо. Но не в таких же скотских условиях?

Сожалеть и печалиться оказалось некогда. Новая команда, и десяток опечаленных мужчин побежали к открывающимся на Полигон воротам.

Сцена 6

В этот раз «солдаты» двинулись совсем по иному проходу, куда-то влево, и вскоре оказались на огромном открытом пространстве. Одного взгляда хватило, чтобы понять: перед ними полоса препятствий. Стартовая линия, за которой сразу начинались ямы, рытвины, заборы и надолбы, которые тренированный солдат должен преодолевать играючи и балагурия на ходу.

Просматривалась вся конфигурация этого сложнейшего тренажёра навыков и выносливости. Конструкция представляла собой гигантский стадион, а точнее говоря, овальный мотодром, с наклонёнными к центру откосами. Ширина «беговой» дорожки составляла метров пятьдесят, но сама тропа пробега петляла по ней, создавая тем самым постоянно чередующиеся спуски и подъёмы. Вся эта полоса длинным амфитеатром окружала стоящее по центру самого поля здание с затемнёнными, зеркальными наружу стеклами. Вокруг этого здания, на высоте метров семи-восьми проходила неширокая пешеходная дорожка. Она словно парила в воздухе, ни на что не опираясь. Нетрудно было догадаться, что именно по ней станет прохаживаться охамевший сержант, следя за принцами и направляя, как и обещал, их верное продвижение по полосе препятствий.

Так и получилось. Пока замершие на линии старта наслед-

ники с унынием пытались просмотреть тяготы предстоящего пути, Эйро Сенатор поднялся по пандусу слева и замер на дорожке, изящно и неизвестно как парящей над окружностью наклонной полосы. Ну и, конечно же, не упустил случая пофилософствовать:

– Солдаты, постарайтесь проявить всю свою выносливость и наивысшее упорство. От приложенных нынче усилий будет решаться ваша участь в дальнейшем. Покажете отличные результаты – общее время ваших кропотливых, изматывающих тренировок значительно сократится. Провалите задание, и длительная, утомительная муштра вам обеспечена. А значит, судьбоносные задания пройдут мимо вас, и доля ваша будет совсем незавидной. Поэтому постарайтесь выложиться по максимуму. Осы вас подгонять не будут, пусть подгоняет желание вырваться отсюда как можно скорей. Итак...

Он заметил поднятую для вопроса руку и скривился. Немного подумал и решил уточнить:

– Третий, на какую тему вопрос?

Тот процедил сквозь зубы:

– На тему данной полосы препятствий... господин сержант.

– Ладно, задавай, если по теме.

– В нашей империи Эрлишан уже давно используются виртуальные тренажёры, в которых лучшие солдаты получают навыки боя, а также укрепляют моторику тела и наращивают мускулы. Лучшее этих солдат – просто не существует

в природе. Как я понял, данный сегмент пространства создан с помощью ещё более высоких технологий, чем у нас. Так почему же здесь не существует вышеупомянутых мною виртуальных тренажёров? К чему эта дикость, вонь и грязь?.. Господин сержант...

Чувствовалось, что Эйро не хочет отвечать на подобный вопрос, хоть и сам разрешил его задать. Поэтому стал осторожно, словно опасаясь чего-то, подбирать слова:

– Ну, тут ты прав, Третий, данный сегмент вселенных стоит невероятно выше в своём развитии, чем твоя Эрлишан. И ваши воины – в самом деле, невероятно сильны. Но в то же время ты не станешь отрицать, что и у твоей родной империи на дальних границах намечаются крупные проблемы. Причём такие проблемы, для решения которых не хватит всего населения, натренированного в ваших хвалёных виртуальных тренажёрах. Не так ли?

Теперь уже недовольно, даже со злостью нахмурился сам наследник империи:

– Понимаю, что наши высшие секреты – для вас не тайна... Но... неужели это правда?

– Увы, парнишка, увы! – сержант печально развёл руками. – Существа, называющие себя кальвадры, сделали пробой в вашу реальность и начали исследования пространства. Это пока ваши силы пытаются сражаться с лёгкими рейдерами разведки врага, но уже не могут ничего с ними поделать. А что будет, когда цивилизация кальвадров перебросит

к вам силы своей основной армады? Вижу, вижу, что ты не совсем дурак и всё прекрасно понимаешь. Сотня, максимум три сотни лет, и от твоей империи останутся только окопавшиеся в катакомбах партизаны. И никакие ваши «лучшие» в кавычках солдаты этому не помешают.

Третий презрительно фыркнул:

– А возвращённые, значит, здесь – помешают?

И тут же изогнулся от наказания «единичка». Не успел унять скрип зубов, как получил вторую дозу наказания. Да и сам мучитель не погнушался дать объяснения «за что наказан»:

– Заговорил без разрешения и не добавил обязательное обращение «господин сержант». – Сделал паузу, и продолжил как ни в чём не бывало: – Но вопрос – более чем по существу. Поэтому отвечу: да! Не всегда и не везде, не каждый солдат и не в каждом случае, но именно отсюда выходят те, кто имеет шанс и возможность что-то изменить в лучшую сторону. В данный момент я ещё не имею права раскрывать вам все карты и все великие тайны этого учебного центра, всему своё время, повод и следствия. Ещё раз хочу сделать акцент на самое главное: вам дан уникальный шанс прожить иную жизнь, поэтому постарайтесь не пустить его по ветру. Второго такого не будет. Ибо правильно сказано: «В серьезных делах следует заботиться не столько о том, чтобы создавать благоприятные возможности, сколько о том, чтобы их не упускать».

Все крепко задумались над услышанным, и только Первый поднял руку, выпрашивая очередной вопрос. К удивлению товарищей по строю, разрешение получил:

– Ну, похвастайся краткостью.

– Господин сержант, а зачем нам мучиться, если мы уже и так умерли?

Тот даже рассмеялся от такого утверждения:

– Я тебе больше скажу: вы ещё раз обязательно умрёте. И, скорей всего, не от старости. Но хорошенько вдумайтесь в то, что спросил однажды один древний мудрец: «Если падаешь со скалы в пропасть, почему бы не попробовать полететь? Что ты теряешь?»

В наступившей тишине клубящееся над головой небо более чем символизировало глубину заданных вопросов. Если принцы и в самом деле некие смертники и их заранее списали в расход, то почему и в самом деле не попытаться в последнем падении стать птицей? Ну, может, и не птицей, а просто ощутить тот восторг и радость полёта, недоступные человеку? И не визжать от страха, сопротивляясь приближающейся смерти?

А Фредерик ещё подумал:

«Кто же этот сержант? Садист, человеконенавистник, циник и развязный скот – или всё-таки философ и опытнейший наставник?..»

Захотелось и самому задать вопрос, но короткая лекция-беседа завершилась, и вновь полетели на головы высоко-

родных наследников резкие команды, перемежающиеся низменной руганью:

– Приготовились... марш! Вашу мать!.. Что за темп?! Или вам и в самом деле нравится, когда вас обзывают цегуни рекаля? Что вы там булькаете? Вопрос был риторический... Второй! Старый пердель! Вернись обратно и перепрыгни через забор! Ха! Конечно, будешь наказан «единичкой»! Если здесь нет ос, то это не значит, что можно схитрить и оббежать препятствие... В трубы ныряйте! И по ним ползком... Э-э! Да вам ещё далеко до настоящих червяков! Так медленно ползают только глисты! И не простые глисты – а позорные! Ага, вот и Первый показался... молодец! Но отряхиваться не стоит, бегом к брёвнам! Не вздумай бежать по ним. Упал на землю рядом с самым крайним, перекат под ним, и затем, не вставая, переползаешь следующее бревно поверху... Змеёй скользи, змеёй! Локти не выставляй! Задницу тоже! Представь, что над тобой пули посвистывают... Остальные, шустрой двигаемся за лидером!

Причём создавалось впечатление, что горлопан орёт не где-то там с полосы изящной дорожки, а прямо на ухо каждого, оглушая и вызывая зубной скрежет от злости. Ещё и наказания в виде «единичек» сержант раздавал щедрой рукой. Спину солдата пропекало каждый раз, когда он, пусть даже непроизвольно, норовил пробежать мимо очередной преграды. Чуть позже злость притупилась, действительность и нереальность происходящего смешались в калейдоскопе

препятствий, команды стали миновать мозг, давая непосредственно сигналы рукам и ногам. Но руки не отваливались вместе с ногами каким-то чудом, ибо нагрузка на них получалась колоссальная.

Наверное, благодаря моральному отупению Фредерик Астаахарский выдерживал издевательства над собственным телом. Но мысли в голове всё-таки проскакивали, порой полярные и на разные, не соотносящиеся друг с другом темы:

«Опять грязь! И опять в лицо... Хорошо, что пострижен наголо, вытерся и в глаза не течёт... Откуда в этих брёвнах занозы?! Пута madre! Мандаринки – всмятку! У-у-у-у! И печенье искрошилось!.. Ох! Как же я глупо грохнулся?.. Так и почки отбить можно... Всё-таки виртуальные тренажёры наверняка лучше... Надо будет у Третьего при okazji спросить, что они собой представляют... Тьфу! Даже бутерброды раскрошились? М-да, вместе с карманом выпали... Зато вытряхивать не придётся... Как и есть... А! Теперь я понял, почему эта подлая тварь ухмылялась! Сержант прекрасно заметил наши припрятанные заначки, но ни слова не сказал. Решил поиздеваться, зная, что на полосе всё это превратится в хлам и в мокрые пятна... Или тут всё делается специально и с дальним прицелом? Ого! Неудачно Шестой грохнулся... А ведь смотрелся лучше всех... Только в третьей трубе чуть не застрял наглухо... Надо ему помочь подняться...»

– Десятый! – рявкнуло прямо в ухо. – Твои показатели, идиот, будут самыми худшими, если станешь отвлекаться на

каждый кусок валяющегося мяса!

Астаахарский словно наткнулся на взгляд здоровяка, который никак не мог выбраться из щели между бетонными плитами. Глаза его словно говорили: «Топай дальше! Я сам справлюсь!» Но Фредди только щекой покривил и ухватил пострадавшего за пояс. Выдернул, помог откатиться на ровное место, и Шестой, даже не восстановивший дыхание, прохрипел:

– Накажут! Беги!

– Плевать... – ответил землянин с таким же надсадным хрипом. – «Единичка» только бодрости придаёт...

И в самом деле, в таких условиях ожог боли вдоль позвоночника взбадривал не хуже ведра холодной воды. Да и потом, затихающая боль никак бы не позволила просто лечь на землю или расслабиться сидя.

Как ни странно, наказания за остановку не последовало. А может, Эйро отвлёкся на других нерадивых, срывая голос на них, и позабыл про инцидент с явной остановкой? Но как бы там ни было, дальнейший путь Десятый проделал рядом с Шестым. А точнее говоря, это Шестой, нагнавший постепенно землянина, так и держался с ним рядом. Судя по взгляду, сам хотел отблагодарить за помощь таким же поступком.

Победителями на финише оказались совершенно неожиданно для всех, Девятый и Четвёртый. Если индус как-то выглядел поджаро и мускулисто, и его выносливость не вызыва-

ла сомнений, то один из самых молодых в десятке смотрелся моральным хлюпиком, да и в тестовом тоннеле он показал себя, судя по критике сержанта, чуть ли не хуже всех. Но если судить по результатам пройденной полосы, напрашивался простейший вывод: парнишка, похоже, «чистый» спортсмен. То есть двигаться, прыгать и бегать – это его стихия. А вот вида крови он наверняка боится. Да и пауки со змеями – ему вряд ли по зубам. Недаром прозвучало утверждение, что он сам побоится у себя на щеке комара прихлопнуть.

Единственное, что несколько омрачило Девятому радость победы, так это пятна разной жирности и сладости, расплывающиеся вокруг карманов. Несмотря на всю свою ловкость, он тоже не сохранил припасы, бережливо припрятанные во время обеда. А выкинуть на первых метрах дистанции попросту не сообразил.

Именно над этим фактом сошедший на землю сержант язвительно насмехался, когда линию финиша на полусогнутых ногах пересекали остальные воины десятка:

– Да тебе не в солдаты идти, а в интенданты! Целый обоз провианта на себе решил пронести! Никак товарищей хотел покормить на привале?..

– Так точно, господин сержант! – моментально вставил свой ответ Джаяппа, хотя наверняка понимал, что вопрос чисто риторический, издевательский. – Поддержка продуктами товарищей по оружию – залог и преддверие разгромной победы над врагом!

– Вона как! – подивился мучитель. – Да ты не только снабженцем хочешь у нас устроиться, но и штатным философом...

Он скорее утверждал, чем спрашивал, но и тут раздалось бойкое:

– Так точно, господин сержант! Готов служить философом и бить врага словом, которое страшнее, чем обычное оружие!

– М-да! – теперь уже Эйро озадачился всерьёз. – В самом деле, страшное оружие. Этак ты и меня переговоришь... – и тут же резко, с нажимом продолжил: – Поэтому! Отвечать отныне будешь только после конкретного разрешения говорить. И даже не смей пикать «Так точно!». Если понял, просто молчи и смотри на меня преданными глазами.

Стало понятно, что сержант не потерпит конкурента на поприще словоблудия. Тем более такого шустрого и скороговорчивого. Возле такого не порассуждаешь, вмиг засыплет спорными цитатами, древними высказываниями и замысловатыми банальностями.

Как следствие, Девятому так и пришлось смотреть на начальство требуемым взглядом, в котором тем не менее просматривалось одновременно и торжество и укор. Мол, я тебя в любом споре раскатаю, и ты сейчас просто силой своей власти рот мне затыкаешь.

Кажется горлопан это понял, потому что нахваливал Четвёртого несколько обозлённый и раздосадованный:

– Оказывается, ты не настолько молокосос, как просто маменькин сыночек! В следующий раз только попробуй в тесном тоннеле проявлять слабость, щепетильность к разным уродам и к природе, Матери нашей! Так и будешь в наказание ходить в рваной форме, да ещё и от меня несколько зуботычин схлопочешь! – после чего обратил внимание и на всех остальных, рассердившись ещё больше: – Нельзя стоять, как стадо баранов, если вам это не приказано! Только строем или в линию! Тем более что она ещё и с номерами... Построиться! Сделаем разбор полётов!

Ну и начал указывать ошибки, слабости и упущения каждого принца. Сам подобный разбор не укладывался в голове из-за своей бессмысленности. Что можно вдолбить в головы уставшим, отупевшим от водопада новых эмоций людям? Лишь Девятый с какого-то бодуна взбодрился умственно и решил оспорить пальму первенства лучшего философа Полигона. Остальным было глубоко фиолетово, где они не так падали и почему они так медленно ползали. Как позже оказалось, зря.

Критика тяжёлым катком прошлась по всем. Причём грубая и ругательная, что оставалось только удивляться, как не дошло до физических наказаний. Сержант всё распалялся и распалялся, наверное, осознавая, что его слушают, но не слышат, и пока добрался до последнего в строю, уже слюной брызгал от бешенства.

Вывалил на Фредерика все свои замечания, словно счи-

тывал их с не видимого никому списка, указал на все его слабости физического плана, а в финале выволочки чуть сбавил тон и коварно поинтересовался:

– Так почему ты замедлился в движении и отвлёкся на Шестого? Тебе наплевать на мои советы?

– Не наплевать, господин сержант, – ответил землянин, – просто поддержка товарищей по строю – основной постулат в любой уважающей себя общности военных.

– Надо же! – Эйро резко развернулся ко всему строю. – А что думают по этому поводу остальные? Правильно поступил Десятый, помогая Шестому?

Тут же начал что-то говорить Девятый, но неожиданно получил от сержанта мощнейший удар в солнечное сплетение и откатился метра на три в тылы шеренги. А мучитель продолжил орать:

– Руку! Надо поднять руку для показа того, что готов ответить! Тем более когда вопрос задаётся всем! – выждал паузу, не обращая внимания на корчащегося индуса, дождался нескольких поднятых рук и выбрал:

– Третий, отвечай!

– Нет, не правильно... господин сержант! – со спесивой улыбкой заявил наследник империи Эрлишан.

– Поясни почему?

– Потому что Десятый обязан опекать и помогать самому ценному и титулованному соратнику в строю. То есть мне. А Шестой таковым не является. И в любой армии любого

мира этот закон неоспорим: спасти в первую очередь главнокомандующего!

Эйро зашагал к центру строя, при этом меняя тон на рассудительный и спокойный:

– Ага, значит, все остальные в десятке обязаны присматривать за тобой и в случае чего даже нести тебя на руках?

– Несомненно!.. Господин сержант... Иначе – никак!

По интонации Третьего было понятно, что он дерзит, издевается и пытается унижить окружающих. Но в то же время он выражался верно, правильно, ошибок в обращении не делал и вроде как наказания не заслуживал. А вот как он расставлял ударения, как играл интонацией – это уже совсем меняло сказанное. Хотя формально ничего наследник империи Эрлишан не нарушил и обид не нанёс. Словно напоминая одно спорное утверждение: «Слова ваши, а музыка – моя!»

Эйро Сенатор это прекрасно понял и развёл бессильно руками:

– Ладно, будем воспитывать дальше... – и резко сменил тон: – Во время очередного этапа тренировок – за лень, ошибки в направлении и уклонения от заданий буду взбадривать «двоечками». Так что старайтесь, лопухи безмозглые!.. Слушай команду! На преодоление полосы препятствий бегом... марш! На этот раз трое последних зарабатывают наказание «четвёрочками»!

Только четверо из десяти успело за две последующие секунды преодолеть линию старта. Остальные свалились от бо-

ли наказания номер два. Ад продолжался.

Сцена 7

От супруги, тем более любящей, что-либо скрыть практически невозможно. Она уже по первым словам, по настроению и даже по походке узнаёт или догадывается, если у мужа что-то случилось. Вроде всё сделал правильно: вошёл как всегда, бросил «Привет» и сразу же поддался на игру с младшей дочуркой. Тут и старшая примчалась, и, как обычно, с ней начался диалог о том, что она сегодня сделала и какие новые знания получила. Интересно общались, весело, иногда смеялись.

Поэтому Фредди не сразу обратил внимание на супругу, которая стояла чуть осторонь и тщательно к нему присматривалась. А увидев, разнервничался, у него покраснели уши и стал страшно чесаться нос. Чем и выдал себя окончательно.

Принцесса Луара уселась рядом, выдержала нужное время, после чего строго наказала дочерям:

– Идите переодеваться к ужину, до приема пищи осталось только пятнадцать минут! – малышки покривились, протянули ещё минутку, а потом всё-таки ушли в сопровождении гувернантки. И только оставшись наедине с мужем, Луара поинтересовалась повреждением на лбу:

– Кто это тебя поколотил?

– Ха! Мало ли желающих? – Фредди постарался смехом отгородиться от объяснений. – Да и вообще, шрамы украша-

ют мужчину. А ты как провела день?

– Я-то нормально, и со мной ничего не случилось. А вот что случилось с тобой? – И она вплотную стала рассматривать идеально скрепленный шов, замазанный кремами под цвет остальной кожи. – Ого, как тебе досталось!

– Да не обращай внимания... Ай! И не надо царапать!

– Да не буду, не буду!.. Если только немедленно не расскажешь, что произошло.

Он тяжело вздохнул, приобнял жену и попытался успокоить её твёрдым уверенным голосом:

– Поверь, дорогая, ничего страшного, дело и фасолины выброшенной не стоит.

– Ничего себе! Моего мужа побили, а я должна у его телохранителей требовать отчёта?! Хочешь, чтобы я им скандал устроила?

– Это уж совсем лишнее. Их вины в случившемся точно нет!.. – заявление не помогло, супруга так и смотрела на принца с ожиданием. Но при этом выражение у неё было такое, что сомневаться не приходилось: скандал начнётся с минуты на минуту. Для этого Луара обладала невероятной последовательностью и чрезмерно склочным характером. Могла так раздуть небольшую мелочь, что потом окружающие сто раз пожалеют, что сразу дело не замяли и пошли ей наперекор. Так что лучше было принцессе сразу уступить, чем впоследствии самому валидол пить.

Очередной раз вздохнув, наследник короны поведал во

всех подробностях перипетии недавнего события. Тем более что о визите к гадалке она знала уже давненько и даже кратко обсуждала эту тему со свекровью. Но тогдашний разговор с королевой вылетел у Луары из памяти. А сегодня с утра она просто перепутала распорядки дня, решив, что муж отправится в салон только завтра. Теперь она ещё больше расстроилась:

– Вот видишь, какой ты неосторожный! – досадовала она. – А пошла бы я с тобой, как и собиралась, ничего бы не случилось.

– Ну да! Тогда бы шишку получила вместо меня ты!

– Шутка – не в тему! Тогда бы телохранители от нас ни на шаг не отходили!

Принц помотал головой:

– Во-первых: Маргарита-Иллона принимает клиентов только по одному. Иначе её советы и пророчества не действительны. Ну и заявись мы туда такой большой компанией, было бы ещё хуже. Антимонархисты могли успеть организовать на улице демонстрацию, а это уже чревато совсем иными последствиями.

Супруга тоже не сдавалась:

– А ты думаешь, оглушенные твоей охраной пьянчужки не подадут на тебя жалобу?

– Они сами вломились с разбойным нападением в чужой дом. Там против них сразу, что надо оформят, и они потом пикнуть побоятся. Да и другие меры воздействия наши служ-

бы применяют...

– Предполагаешь такие методы лучше? И удастся всё замять?

– Не сомневаюсь!

– А вот удастся ли восстановить моё доверие к тебе? – многозначительно заявила принцесса. – Я на сеансе не присутствовала и, что там творилось, не знаю. А вдруг она твоя любовница и ты пострадал от её ревнивого мужа?

– Ох, дорогая! – рассмеялся он. – Не смей меня! Я тебе когда-нибудь давал повод для ревности? И ты знаешь, что я люблю девушек стройных, а та гадалка шире, чем выше. Ха-ха!

– И тем не менее!

Он немного подумал, улыбнулся и признался:

– Раз ты такая... то у меня есть одна интересная вещь с собой... Вот! Диктофон, на который я записал все дословно бормотания этой толстухи Толедской. Наверняка и мой начальник охраны вел запись с моего передатчика, но здесь всё чётче и лучше записано. На, послушаешь и потом отдашь... И вообще, пора ужинать, наверное, дети нас уже за столом ждут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.